HBI

E S U L T Volume 2 R

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Сайт журнала: research-result.ru

сетевой научный рецензируемый журнал online scholarly peer-reviewed journal

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Tom 2, Nº4. 2016

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ Издается с 2014 г. ISSN 2313-8912

Volume 2, № 4. 2016

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Деревянко Ю.С.** РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.,** кандидат филологических наук, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор Багана Ж., доктор филологических наук, профессор Беседина Н.А., доктор филологических наук Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор Дьяченко Т. Д., кандидат филологических наук, доцент Фарзад Шарифиан, доктор филологических наук, профессор, Австралия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виноградов В.А., доктор филологических наук, член-корреспондент РАН. Россия

Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, Германия Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, Россия Воркачёв С.Г., доктор филологических наук, профессор, Россия Гренарова Ренее, доктор педагогики, доктор философии, Чешская Республика

Златев Дж., доктор философии, профессор, Швеция Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, Россия Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Россия Пернель Б., доктор филологических наук, профессор, Франция Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Россия Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор Словакия, Украина

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Россия Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Словакия Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Польша

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich**, Ph.D. in Philology, Associate Professor EXECUTIVE SECRETARY: **Yulia S. Derevyanko** ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD:

Alexandr M. Amatov, Doctor of Philology, Professor Baghana Jerome, Doctor of Philology, Professor Elena A. Ogneva, Doctor of Philology, Professor Natlia A. Besedina, Doctor of Philology, Professor Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor Tatiana D. Dyachenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor Farzad Sharifian, Doctor of Philology, Professor, Australia

CONSULTING EDITORS:

Beatrix Pernelle, Doctor of Philology, Professor, France
Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, Germany
Jana Sokolova, Candidate of Philology, Professor, Slovak Republic
Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Sweden
Nataliya I. Panasenko, Doctor of Philology, Professor, Slovak Republic,
Ukraine

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, Russia
Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Russia
Renée Grenarová, PaedDr, PhD, Assistant Professor, Czech Republic
Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Krasnodar
Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Russia
Victor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Russian Academy of Sciences
Corresponding Member, Russia
Victor Ya. Porkhomovsky, Doctor of Philology, professor, Russia
Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Russia
Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, Poland

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.

Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education
«Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ РАЗДЕЛ І. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

LINGUISTICS SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

Даниленко И.А. Роль пейзажных единиц		Danilenko I.A. The Role of Landscape Units	
в номинативном поле дуального		in the Nominative Field of the Dual Concept	
концепта «любовь и одиночество» (на		"Love and Loneliness" (Based on the Novel	
материале романа Ф. С. Фицджеральда		by F. C. Fitzgerald "The Great Gatsby")	
	3		3
<i>Огнева Е.А.</i> Темпоральные маркеры в		Ogneva E.A. Temporal Markers in the	
архитектонике текстового когнитивного		Architectonics of Literary Cognitive Script	
сценария (на материале произведения		(Based on the Novel "Volokolamsk	
	9	Highway" by Alexander Bek)	9
Чиковани Т.В. Вербализация концептов		Chikovani T.V. Verbalization of the	
«страдание», «жизнь», «смерть» в		Concepts "Suffering", "Life" and "Death" in	
проповеди святителя Луки		the Sermon "To the Words: "Let the Dead	
Симферопольского и Крымского «На		Bury Their Dead" by Saint Luka of	
слова: «Предоставьте мертвым		Simferopol and Crimea	
погребать своих мертвецов»	16	•	16
Шлейвис П.И. Лингвистически		Shleyvis P.I. Linguistically Relevant	
релевантные характеристики		Characteristics of Terminological Units	
	21	Ç	21
РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ		SECTION II. COMPARATIVE	
языкознание		LINGUISTICS	
Sana' Mahmoud Jarrar Poetry		Sana' Mahmoud Jarrar Poetry	
Translation: Artistic and Cultural Problems	28	Translation: Artistic and Cultural Problems	28
РАЗДЕЛ III. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ		SECTION III. GERMANIC LANGUAGES	
		DECTION III GERMANIC ENIGOTICE	
Абдулкадыров М.М. Самопрезентация		Abdulkadyrov M.M. Self-presentation of a	
компании в виртуальном пространстве	32	Company in the Virtual Space	32
<i>Сардалова Л.Р.</i> Ритуальность как		Sardalova L.R. Rituality as a Discursive	
дискурсивный феномен: общая		Phenomenon: General Characterization of	
характеризация речевой регламентации	37	the Speech Regulation	37
<i>Ali Safari</i> Foreign Vowel Acquisition: The		Ali Safari Foreign Vowel Acquisition: The	
Emotional Approach of Teaching British		Emotional Approach of Teaching British	
• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	43	English Vowels	43
<u> </u>			
РАЗДЕЛ IV. ЯЗЫКИ НАРОДОВ		SECTION IV. LANGUAGES OF PEOPLES	
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН		AND NATIONS OF THE WORLD	
Country Amich Mahamari J.O., JL.C. (1. 1. 1.		Causia Aniah Mahmand Ondah Catal 1	
Samia Azieb, Mahmoud Qudah Soft-boiled		Samia Azieb, Mahmoud Qudah Soft-boiled	
Speech: a Contrastive Analysis of		Speech: a Contrastive Analysis of	
Euphemisms in Algerian and Jordanian	- 4	Euphemisms in Algerian and Jordanian	
Arabic	54	Arabic	54

ЯЗЫКОЗНАНИЕ РАЗДЕЛ І. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'42 DOI: 10.18413/2313-8912-2016-4-4-3-8

Даниленко И. А.

РОЛЬ ПЕЙЗАЖНЫХ ЕДИНИЦ В НОМИНАТИВНОМ ПОЛЕ ДУАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ И ОДИНОЧЕСТВО» (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «THE GREAT GATSBY»/ «ВЕЛИКИЙ ГЕТСБИ»)

БелГУ, ассистент кафедры иностранных языков, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия, mladshiisergant@inbox.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает структуру дуального концепта в целом и конкретно дуальный концепт «любовь и одиночество». Исследование проводится на материале романа Ф. С. Фитцджеральда «Тhe Great Gatsby». В рамках исследования выбранного концепта важными его составляющими являются лексические единицы, описывающие окружающую героев природу. Приводится составленная ранее классификация пейзажных единиц. Установлено, что в одной из глав романа количество пейзажных единиц наиболее велико. Проведена выборка лексики, описывающей природу. Наиболее частыми оказались пейзажные единицы, описывающие именно газон главного героя. В статье проводит когнитивно-герменевтический анализ пейзажных единиц. Выявляется структура пейзажных единиц и их роль в формировании номинативных полей дуального концепта. Так же отдельно указывается, к какому из двух ядер дуального концепта «любовь» или «одиночество» чаще относятся применяемые автором пейзажные единицы. Делается вывод о высокой частотности включения пейзажных единиц в структуру дуального концепта.

Ключевые слова: дуальный концепт; номинативное поле; пейзажные единицы; когнитивно-герменевтический анализ; концептосфера.

Danilenko I.A.

THE ROLE OF LANDSCAPE UNITS IN THE NOMINATIVE FIELD OF THE DUAL CONCEPT «LOVE AND LONELINESS» (based on the novel by F. C. Fitzgerald «THE GREAT GATSBY»)

Assistance Lecturer, Department of Foreign Languages, BSU, Pobedy St. 85, Belgorod, 308015, Russia mladshiisergant@inbox.ru

Abstract. The article considers the dual concept structure in general, and the 'love and loneliness' dual concept specifically. The research is carried out in terms of F.S. Fitzgerald's 'The Great Gatsby' novel. The lexical items that describe the reality around characters are important components in the selected concept study. We present the previously compiled landscape units' classification. It was found that in one of the novel chapters the landscape units' amount is most frequent. We sampled the vocabulary that describes nature. The most frequent were the landscape units that describe exactly the main character's lawn. We conduct the landscape units' cognitive-hermeneutic analysis. It reveals the landscape units' structure and its role in shaping the dual concept nominative field. Besides, we indicate to which of two cores – the 'love' or 'loneliness' – the dual concept used by the author is referred more frequently. We make a conclusion about high frequency of the landscape units' inclusion in the dual concept structure.

Key words: dual-concept; nominative field; landscape units; cognitive and hermeneutic analysis; conceptsphere.

Концептосфера художественного текста являет собой совокупность различных концептов: общекультурных этнокультурных. Концептосфера художественного текста понимается нами «совокупность как художественных концептов, являющихся частью индивидуально-авторских концептов, диапазон репрезентации которых обусловлен сюжетным контуром произведения» [4]. При более близком рассмотрении в художественной концептосфере возможно выделить для рассмотрения Нами было выбрано конкретные концепты. произведение американского классика Френсиса Скотта Фитцджеральда «The Great Gatsby». При детальном анализе концептосферы произведения мы выявили дуальный концепт «любовь и одиночество». Под художественным концептом понимаем «компонент концептосферы художественного текста, включающий ментальные признаки и явления, которые сохранены исторической памятью народа и являются в сознании автора когнитивнопрагматически значимыми для развития сюжета, создают когнитивную ауру произведения» [5].

При рассмотрении дуального концепта речь идёт о двух чувствах в их взаимодействии, как следует из названия. Как и другие чувства, присущие человеку, они находят выражение не только в словесной форме, но и посредством невербального общения. Поэтому компонентом номинативного поля концепта мы невербального считаем маркеры коммуникации, а именно: проксемы, сенсемы, такемы и кинемы. Лексемы, репрезентирующие чувство любви, как и чувство одиночества по семантическому значению протяжённость во времени. Поэтому при анализе выбранного дуального концепта следует, наряду с другими репрезентантами невербального кода коммуникации, более подробно рассматривать

В структуре дуального концепта «любовь и одиночество» важную роль для его раскрытия описание природы. При описании характеров главных героев значимой единицей выступает описание окружающего пространства, ибо действующие лица всегда находятся в том ином окружении. Дать описание окружающего пространства можно по-разному: в зависимости от душевного состояния героя, одни и те же обстоятельства могут трактоваться с различными оттенками, проходя сквозь призму восприятия героя или автора, вызывая у него различные воспоминания и ассоциации. При когнитивно-герменевтическом анализе, правильно истолковав описание окружающего пространства, мы получим дополнительную или недостающую информацию о характере героя. В данной статье более подробно рассмотрим пейзажные единицы, поскольку в произведении «The Great Gatsby» описаниям природы автор отводит значительную роль в раскрытии сюжета.

Исследованию пейзажных единиц в структуре художественного текста посвящены работы как отечественных (Игумновой Е.С. [2], Левиной В.Н. [3], Шестёркиной Н.В. [8] и др.), так и зарубежных учёных (Rinehart, Dawn M. [9], Shu-hua Chung [10] др.)

Проведённые ранее исследования художественного текста показали, что пейзажи в концептосфере художественного текста могут быть разделены на три группы:

- а) пейзаж земной поверхности (лесной, степной, горный и т.п.);
- б) водный пейзаж (морской, океанический и т.п.);
- в) пейзаж воздушного пространства (пейзаж ночного неба и т.п.). [4].

Проиллюстрируем приведённую классификацию примерами:

- а) пейзаж земной поверхности: «But his eyes, dimmed a little by many paintless days, under sun and rain, brood on over the solemn dumping ground» [12] (Но его глаза (доктора Эклберга, на плакате), потускневшие за длительное время под солнцем и дождём, взирали на свалку (здесь и далее перевод наш U.Д.);
- б) водный пейзаж «Twenty miles from the city a pair of enormous eggs, identical in contour and separated only by a courtesy bay, jut out into the most domesticated body of salt water in the Western hemisphere, the great wet barnyard of Long Island Sound.»(В двадцати милях от города два огромных мыса, идентичных в своих очертаниях и аккуратно разделённых только заливом, представляли самый обжитой участок во всём западном полушарии.)
- в) пейзаж воздушного пространства: «The late afternoon sky bloomed in the window for a moment like the blue honey of the Mediterranean then the shrill voice of Mrs. McKee called me back into the room» [12] (Небо позднего вечера на секунду показалось в окне, похожее на небо средиземноморья, с голубыми оттенками, как вдруг голос миссис МакКи окликнул меня и снова вернул в комнату).

Приведём несколько примеров из романа. Наиболее интересным, на наш взгляд, является

возможность рассмотреть не весь текст романа, на предмет выявления единиц описывающих пейзаж, а именно третью его главу. Именно в этой главе Ф. С. Фитцджеральд описывает главного героя, не прибегая к прямому описанию его внешности. Не будучи лично знакомым со соседом, Ник, являясь своим невольным свидетелем происходящих в доме событий, составляет первое впечатление о своём соседе. Описания событий, перемежаясь с описаниями окружающего мира, проходят через призму восприятия главного героя и увлекают читателя за собой. Приводя лишь описания и лишая текст сугубо личных выводов, автор словами Ника предоставляет читателю самому сделать выводы. Джей Гэтсби предстаёт перед нами через описание своего дома, а вместе с ним его обитателей, гостей и происходящих событий. Всё это происходит на определённом фоне и окрашено в определённые цвета, создавая целостную картину.

«In his blue gardens men and girls came and went like moths among the whisperings and the champagne and the stars» [12] (В его саду, освещённом голубым светом, как мошки, мужчины и женщины приходили и уходили, среди шёпота шампанского и звёзд). В этом примере сразу два типа пейзажа, пейзаж земной поверхности (описание сада) и небесный пейзаж, тесно вплетены в общий контекст описания и не стоят отдельным особняком.

«The lights grow brighter as the earth lurches away from the sun, and now the orchestra is playing yellow cocktail music, and the opera of voices pitches a key higher» [12] (Освещение разгорается ярче, поскольку Земля отворачивается от солнца, и теперь оркестр играет лёгкую музыку для коктейльных вечеринок, и хор голосов поёт громче). Здесь яркость описываемого пейзажа достигается через описание света и звуков, царящих в парке. Как если бы при описании лесного пейзажа автор использовал бы описание песен птиц или звук волн в морском пейзаже. Читатель сразу настраивается на то, что впереди ещё очень интересный вечер, и гости только собираются.

Далее после полночи описание сада выглядит следующим образом:

«The moon had risen higher, and floating in the Sound was a triangle of silver scales, trembling a little to the stiff, tinny drip of the banjoes on the lawn» [12] (Луна поднялась выше, и плавающие в проливе серебряные чешуйки, образовавшие треугольник, трепетали в такт дребезжанию

банджо на газоне). В описанном примере плотно соприкасаются описание земного пейзажа, пейзажа морского и небесного, образуя, таким образом, целостную картину происходящего. Кроме того, автором также включено и описание звуков, которые как раз и являются связующим звеном разных пейзажей. Вот именно таким кратким, но в то же время ёмким примером автор буквально переносит читателя в цент событий: мы будто отвлеклись на минуту от суеты и гама и вечеринки и случайно приметили эти мелочи.

В структуре дуального концепта «любовь и одиночество» все приведённые примеры описывают сегмент одиночества. Сочетаясь с другими элементами поля концепта, они рисуют картину мнимого веселья, которым пытался наполнить свой дом его хозяин. Эти описания жёстко контрастируют с описаниями бурной вечеринки и в то же время вторят её устроителю: спокойному человеку, наблюдающему за происходящим со стороны.

После вечеринки Ник, возвращаясь домой, обернулся взглянуть на дом Гэтсби:

«A wafer of a moon was shining over Gatsby's house, making the night fine as before, and surviving the laughter and the sound of his still glowing garden. A sudden emptiness seemed to flow now from the windows and the great doors, endowing with complete isolation the figure of the host, who stood on the porch, his hand up in a formal gesture of farewell» [12] (Луна, похожая на испечённую круглую вафлю, сияла над домом Гэтсби, делая ночь всё такой же прекрасной как и раньше, хотя во всё ещё освещённом саду уже не слышался смех и шум. Казалось, из каждого окна и двери вдруг повеяло внезапной пустотой, и от этого сам хозяин, стоявший на пороге с поднятой в прощальном жесте рукой, казался ещё более одиноким). В структуре рассмотренной пейзажной единицы, в таком маленьком отрывке текста, сразу два источника света: «а moon», «glowing garden. В русской и английской культуре луна или свет луны олицетворяет одиночество. В приведённом примере снова гармонично переплетены два пейзажа: небесный и земной. Снова при описании автор обращается к окружающим звукам, в данном примере к их отсутствию. Не будучи близко знакомым с хозяином дома, не зная ещё его истории и нынешней жизни вообще, Ник интуитивно делает первые выводы. Его не смогла смутить вся пышность вечеринки, огромное количество гостей, шум и веселье, свидетелем которых он сегодня был. В отличие от всех «случайных»

гостей Ник оказался чуть более внимательным к самой личности хозяина. Когда дом и его хозяин оказались лишёнными всей мишуры веселья, правда стала заметной: среди всей этой огромной толпы Джей был одинок. И не потому, что все приходили без приглашения и даже не знали самого хозяина, а по тому, что по завершении праздника он снова оставался один и обратил на внимание только один его Ф. С Фитцджеральду удалось вместить всё это в два коротких предложения. Автор не ставит читателя перед фактом одиночества главного героя, он лишь даёт возможность взглянуть на происходящее глазами Ника. Читатель воспринимает всё сквозь призму восприятия главного героя. История любви Гэтсби ещё впереди, но история его одиночества уже начала разворачиваться перед читателем. И история эта рассказывается при помощи лишь описаний природы кратких и ёмких. Отсюда мы можем сделать вывод, что пейзажные единицы значимы для раскрытия дуального концепта «любовь и одиночество».

Говоря об описаниях природы и о пейзажных единицах, следует упомянуть и хронемы как базовые компоненты категории художественного времени [см. подробнее Панасенко Н.И. 2002]. Существует много различных определений понятия «хронема». Все они сводятся к тому, что хронема языковая это единица, вербализирующая понятие временной протяженности. Понятие, наиболее точно коррелирующее с нашим исследованием, звучит следующим образом: «языковая единица, вербализующая темпоральный маркер повествовательном контуре текста. репрезентирующий время как компонент невербального кода коммуникации» [6].

Описание пейзажа, будь TO морской, небесный или земной пейзаж, всегда тесно связанно со временем. Один и тот же пейзаж может быть описан в разное время года, что сильно повлияет на настроение, передаваемое описанием. «Циклическое время - время, в отсутствует движение происходит возврат к тому, что было; время, являющее собой регулярно повторяющийся цикл: день, неделя, месяц, год» [1]. Большую роль может сыграть описание пейзажа ночного или дневного, не говоря уже о линеарных хронемах, когда один и тот же пейзаж может сравниваться по истечении времени. «Линеарное время являющее собой линейный повторяющийся) вектор» [1]. Поэтому следует

обращать внимание при анализе, какими хронемами оперирует автор – линеарными или циклическими.

«When I left his office the sky had turned dark and I got back to West Egg in a drizzle» [12]. (Когда я вышел из его офиса, небо почернело, и я вернулся в Уэст Эг, когда уже моросило). В приведённом примере описан небесный пейзаж, один и тот же, но в разные временные промежутки. Здесь применима линеарная модель времени, и в плоскости этой линеарной модели изменяется состояние неба. Действие разворачивается после смерти Гэтсби. Ник попытался заручиться поддержкой одного из друзей Гэтсби, но получил вежливый, но категоричный отказ. После смерти Гэтсби оставался всё так же одинок. Описание пейзажа здесь подстать настроению Ника.

«Gatsby's house was still empty when I left - the grass on his lawn had grown as long as mine» [12]. (Дом Гэтсби всё ещё пустовал, когда я уезжал трава на его газоне разрослась и стала такой же, как на моём газоне). Очень краткое описание земного пейзажа, но за этой краткостью скрывается намного более глубокий смысл. На протяжении всего романа автор в лице Ника обращает внимание на газоны. Он сравнивает свой газон с ямами и буграми и газон Гэтсби – всегда ровный и подстриженный. Последнее, на что Ник обратил внимание, была трава на газоне, и именно запустение газона сказало ему о том, что дом всё ещё пустует, только теперь это не то абстрактное одиночество, что было ранее, а вполне себе реальное, то, что можно даже видеть и осязать. Таким образом, на протяжении всего романа автор описывает один и тот земной пейзаж, но в разные временные отрезки. Другими словами, пейзаж описан в плоскости линеарно художественного времени.

Этот самый газон является одним из символов в романе, недаром он упоминается и в самом конце, когда Ник вспоминает Гэтсби:

«He had come a long way to this blue lawn, and his dream must have seemed so close that he could hardly fail to grasp it» [12] (Он проделал долгий путь к этому идеальному газону, и его мечта казалась ему так близка, что он её уже вряд ли упустит).

Таким образом, мы делаем вывод, что рассматривать пейзажные единицы при раскрытии дуального концепта «любовь и одиночество» следует в связке с хронемами.

Мы доказали, что наиболее важными компонентами пейзажных единиц являются

лексемы, вербализирующие «цвет» и «свет». Живопись ведь это не только цвет на плоскости, это еще и иллюзорные формы в иллюзорном пространстве. Подобно живописцу писатель создаёт те же иллюзорные пространства в своём произведении. Для создания «иллюзии» пространства художник должен правильно создать объём.

«Объем изображение трехмерности формы на плоскости. Осуществляется, прежде конструктивным правильным перспективным построением предмета. Другим важным средством передачи объема на плоскости градации светотени, выраженные цветом: блик, свет, полутень, тень собственная и падающая, рефлекс. Изображению объема на изобразительной плоскости способствует также направление мазка или штриховки, движение их по направлению формы (на плоских поверхностях они прямые и параллельные, на цилиндрических и шаровых — дугообразные)» [11]. Писатель воспользуется теми же приёмами описания цвета и света для создания пространства, в которое он впишет своих героев. Именно благодаря цвету, зритель или читатель имеет возможность ощутить всю красоту живописного или литературного произведения и воспринять реалистичность изображаемого.

«Two o'clock and the whole corner of the peninsula was blazing with light, which fell unreal on the shrubbery and made thin elongating glints upon the roadside wires» [12] (Два часа ночи, а весь угол полуострова сверкал огнями, которые, падая на кусты, делали их нереальными и оставляли тонкие отблески на проводах вдоль дороги). Описание этого земного пейзажа автор построил на контрасте света и темноты. Темнота здесь подразумевается, ибо события происходят в два часа ночи, зато свет описан довольно подробно. Далее описание дома Гэтсби получает продолжение:

«Виt there wasn't a sound. Only wind in the trees, which blew the wires and made the lights go off and on again as if the house had winked into the darkness» [12] (Но не было ни звука. Только ветер, гудя в проводах, раскачивал лампы, заставляя их то потухать, то вспыхивать снова, будто дом подмигивал темноте). Мистер Гэтсби был в доме один. Светом разгонял не только мрак вокруг своего дома, но и одиночество вокруг своей души. Он стоял и ждал Ника на своём газоне, не желая оставаться в одиночестве. Через описание пейзажа в этой сцене автор раскрывает стремления главного героя: стремление от

темноты к свету, от одиночества к гармонии с другими людьми. Из анализа вышеописанного примера мы делаем вывод, что свет и цвет при описании пейзажа играет одну из главенствующих ролей.

Проведя когнитивно-герменевтический анализ отобранных примеров, делаем вывод, что при рассмотрении дуального концепта «любовь и одиночество» в его структуре следует выделять такие значимые элементы как:

- 1. единицы, описывающие компоненты невербального кода коммуникации;
 - 2. хронемы;
 - 3. пейзажные единицы.

Кроме того, в рассматриваемом нами романе в номинативном поле дуального концепта «любовь и одиночество» пейзажные единицы обнаруживаются в той части концепта, что описывает одиночество главного героя. Они чётко обрамляют образ одинокого человека на фоне видимого счастья, вторя его настроению.

Литература

- 1. Даниленко И.А. К вопросу о лениарном и циклическом художественном времени. // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р.Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. Вып. ХХІ: Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации: мат-лы Всероссийской научной конференции с международным участием. 25-26 июня 2015 г./ отв. ред. вып. Л.В. Бабина. М.: Ин-т Языкознания РАН, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 688-691.
- 2. Игумнова Е.С. Степной пейзаж как элемент авторской языковой картины мира (на материале произведений М.А. Шолохова) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. N 1. С. 74-78.
- 3. Левина В.Н. Концептуализация пейзажа в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: моногр. / гл. ред. Е.С. Кубрякова, отв. ред. Н.Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Р.Г. Державина, 2009. С. 398-413.
- 4. Огнева Е.А. Структурирование концептосферы художественного текста // Ментальные основы языка как функциональной системы / отв. ред. серии Н.А. Беседина. Когнитивные исследования языка. Вып. XIII. Памяти проф. Н.А. Кобриной. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 614-625.
- 5. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: моногр. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. 280 с.

- 6. Огнева Е.А. Темпоральная когнитивная сетка художественного текста: тенденции кросскультурной адаптации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3 (Электронный журнал) URL: http://www.science-education.ru/109-9354 (дата обращения: 4.5.2016).
- 7. Панасенко Н.И. Категория художественного времени в прозаических, поэтических и музыкальных текстах // Наукове видання «Мова і культура». Вип. 5, т. І, частина друга. Київ: Видавничий Будинок Дмитра Бураго, 2002. С. 120-130.
- 8. Шестёркина Н.В., Белоусова Е.С. Комплексный пейзаж российской деревенской окрестности в зеркале перевода (на материале перевода романа л. Н. Толстого «Война и мир» на немецкий язык) // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. Воронеж, 2014. С. 121-130.
- 9. Rinehart, Dawn M. Portrait of an invisible landscape literary impressionism in the works of Virginia Woolf. California State University, Dominguez Hills, 2010, 48 p.; 1485470.
- 10. Shu-hua Chung. The English Landscape Garden in Andrew Marvell's Five Poems. NCUE Journal of Humanities. March 2012. Vol. 5, pp. 147-162.
- 11. Словарь специальных терминов в живописи [электронный ресурс]. режим доступа: http://cosmograph.ru/culture/libs-termin/ (дата обращения 07.05.2016)
- 12. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby [электронный ресурс]. режим доступа: http://gutenberg.net.au/ebooks02/0200041.txt обращения 07.05.2016) (дата

References

- 1. Danilenko I.A. About the linear and cyclic literary time// Kognitivnye issledovaniya yazyka / gl. red. N.N. Boldyrev; M-vo obr. i nauki RF, Ros. akad. nauk, In-t yazykoznaniya RAN, Tamb. gos. un-t im. G.R.Derzhavina, Ros. assots. lingvistov-kognitologov. Vyp. XXI: Problemy sovremennoj lingvistiki: na styke kognitsii i kommunikatsii: mat-ly Vserossijskoj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 25-26 iyunya 2015 g./ otv. red. vyp. L.V. Babina. M.: In-t YAzykoznaniya RAN, Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015. Pp. 688-691.
- 2. Igumnova E.S. Steppe landscape as an element of the author's worldview (based on Sholokhov's novels)// Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2009. № 1. Pp. 74-78.
- 3. Levina V.N. Conceptualization of the landscape in the literary text// Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke: monogr. / gl. red. E.S. Kubryakova, otv. red. N.N. Boldyrev. M.: In-t

- yazykoznaniya RAN; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. R.G. Derzhavina, 2009. Pp. 398-413.
- 4. Ogneva E.A. Structuring of the concept sphere of the literary text// Mental'nye osnovy yazyka kak funktsional'noj sistemy / otv. red. serii N.A. Besedina. Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XIII. Pamyati prof. N.A. Kobrinoj. Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2013. Pp. 614-625.
- 5. Ogneva E.A. Cognitive modelling of the concept sphere of the literary text: a monograph. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2009. 280 p.
- 6. Ogneva E.A. Temporal cognitive structure of the literary text: tendencies of the cross-cultural adaptation // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. № 3 (Elektronnyj zhurnal) URL: http://www.science-education.ru/109-9354 (date of access: May 4, 2016).
- 7. Panasenko N.I. The category of literary time in prosaic, poetic and musical texts // Naukove vidannya «Mova i kul'tura». Vip. 5, t. I, chastina druga. Kiïv: Vidavnichij Budinok Dmitra Burago, 2002. Pp. 120-130.
- 8. Shestyorkina N.V., Belousova E.S. A complex landscape of the Russian village environment in the mirror of translation // Sotsiokul'turnye problemy perevoda: sb. nauch. tr. Voronezh, 2014. Pp. 121-130.
- 9. Rinehart, Dawn M. Portrait of an invisible landscape literary impressionism in the works of Virginia Woolf. California State University, Dominguez Hills, 2010, 48 p.; 1485470.
- 10. Shu-hua Chung. The English Landscape Garden in Andrew Marvell's Five Poems. NCUE Journal of Humanities. March 2012. Vol. 5, pp. 147-162.
- 11. Dictionary of special terms used in pictorial art [electronic resource]: http://cosmograph.ru/culture/libs-termin/ (date of access: May 7, 2016).
- 12. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby [electronic resource]: http://gutenberg.net.au/ebooks02/0200041.txt (date of access: May 7, 2016).

Даниленко Илья Александрович

БелГУ, ассистент кафедры иностранных языков 308000 Белгород, Преображенская, 78б, 67 89524356804

mladshiisergant@inbox.ru

Danilenko Ilia Alexandrovich

Assistance Lecturer, Department of Foreign Languages,

Belgorod State National Research University, 78b Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia mladshiisergant@inbox.ru

УДК 81'42 DOI: 10.18413/2313-8912-2016-4-4-9-15

5 AK 61 42 DOI: 10.10413/2313-0912-2010-4-4-9-1

Огнева Е. А.

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ В АРХИТЕКТОНИКЕ ТЕКСТОВОГО КОГНИТИВНОГО СЦЕНАРИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. БЕКА «ВОЛОКОЛАМСКОЕ ШОССЕ»)

зав. кафедрой иностранных языков, доктор филологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д.85, г. Белгород, 308015, Россия, Ogneva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается архитектоника текстового когнитивного сценария как одного их динамичного сегмента концептосферы художественного компонентов особенности персонифицированных и неперсонифицированных Характеризуются когнитивных сценариев. Описывается специфика линейных и нелинейных текстовых когнитивных сценариев. Уточняется роль фонового информанта в архитектонике сценария. Даётся авторская схема архитектоники исследуемого динамичного формата знания. Выявляется степень корреляции темпоральной модели текста и архитектоники текстового когнитивного сценария. Уточняется специфика репрезентации трёх высокочастотных типов корреляции двух вышеназванных моделей в романе советской военной прозы «Волоколамское шоссе» А. Бека, а именно: (1) сегментарный темпоральный поток в архитектонике когнитивного сценария; (2) темпоральная точка как ядро темпорального потока в архитектонике когнитивного сценария; (3) поляризации временных маркеров в архитектонике когнитивного сценария. Выявлены различные типы воссоздающих в художественном произведении карту территории, на которой проходили военные действия, получившую название «дальние подступы к столице».

Ключевые слова: концептосфера, художественный текст, текстовый когнитивный сценарий, архитектоника, корреляция моделей

Ogneva E.A.

TEMPORAL MARKERS IN THE ARCHITECTONICS OF LITERARY COGNITIVE SCRIPT (BASED ON THE NOVEL «VOLOKOLAMSK HIGHWAY» BY ALEXANDER BEK)

Head of Department of Foreign Languages, Dr. of Philological Sciences, Associate Professor, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, Ogneva@bsu.edu.ru, 89205845857

Abstract. The article deals with the architectonics of literary cognitive script as one of the components included into the dynamic segment of literary concept-sphere. The specific of personalized literary cognitive script and non-personalized literary cognitive script are characterized. The peculiarity of linear and non-linear literary cognitive scripts is described. The role of background informant in the script architectonics is qualified. The author's scheme of literary cognitive script is represented. The correlation degree of temporal textual model and textual script model in the novel of the Soviet military prose «Volokolamsk Highway» by Alexander Bek is identified. The correlation types are: (1) segment temporal flow in the cognitive script architectonics; (2) temporal point as the kernel of temporal flow in the cognitive script architectonics; (3) polarization of temporal markers in the cognitive script architectonics. The different place names types are identified. These place names types reconstruct the military map of the territory named «far approaches to Moscow».

Key words: concept-sphere; literary text; literary cognitive script; architectonics; correlation of models

75-й годовщине битвы за Москву посвящается

Введение

Художественный текст представляет собой комплексный смысловой знак,

репрезентирующий образы национальной языковой картины мира, интерпретированной языковым сознанием писателя. По мнению

Н.Ф. известного российского учёного Алефиренко «языковое сознание использует вербализованные активизирующие знания, соответствующие когнитивного элементы сознания социального, культурного, мировоззренческого происхождения» Вербализованные знания представляют собой слова, словосочетания, предложения, тексты. Существует множество определений текста. Так, например, Е.С. Кубрякова, предлагала понимание текста в виде «информационно самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» [4, с. 73], тогда как Н.Ф. Алефиренко лингвистом рассматривается как «объединённая смысловой связью последовательность языковых знаков» [2, с. 3-7]; для Г.Я. Солганика текст – это и «цель, и результат действия языка, высшая единица, форма речи» [7, с. 8]. Нами художественный рассматривается как концептосфера, представляющая собой совокупность статичных когнитивных структур, а также динамичных и статично-динамичных, В рамках которых развёртываются художественные концепты.

Современные исследования архитектоники художественных концептов способствуют глубинному описанию внутритекстовых связей репрезентируемых различных символов, когнитивно-сюжетной текстовой литературно-художественного произведения. Так, значимую роль в исследовании текста занимает изучение темпоральной текстовой модели. поскольку «различная протяженность внутритекстового пространства-времени является объективной онтологической его характеристикой, позволяющей проводить разнообразных измерения фиксацию наблюдений на оси протяженности» [5, с. 10], что выявляет динамику текста [8, с. 575-583], поскольку интерпретация текста «протекает на базе личного опыта и связанных с ним переживаний разных людей» [3, с. 71].

На основе того, что тексты, различные по своей природе, создают различные миры, к концу двадцатого века голландским учёным П. Вертом была разработана теория текстовых миров [9], в которой содержательный план этого формата знания представлен в виде концептуального пространства, создаваемого писателем и читателем, взаимодействующими с тем или иным текстом, как отдельным сегментом текстового мира.

Цель работы заключается в исследовании степени корреляции темпоральной модели текста и архитектоники текстового когнитивного сценария.

Материалы и методы исследования. В статье изложены результаты когнитивногерменевтического анализа динамичного концептосферы сегмента художественного произведения советской военной «Волоколамское шоссе» А. Бека. Известно, что «в течение многих лет чтение этой книги на иврите было обязательным для слушателей офицерских курсов армии обороны Израиля, в Финляндии её изучали курсанты Военной академии [10].

Выбор этого произведения в качестве исследования обусловлен материала лингвистических факторов: (1) многогранность архитектоники концептосферы текста; модели многоуровневость художественного концепта «Битва за Москву», репрезентированного в концептосфере романа, состоящей из субконцептов и концепт-элементов; (3) многообразием стилистических приёмов изложения сюжета, **(4)** комплексностью глубинной и поверхностной структур текста. произведения обусловлен Выбор также экстралингвистическим фактором 75-й годовщиной битвы за Москву, что побуждает обратиться к исследованию материалов об этом событии, числе эпохальном В TOM И исследованию художественных книг, описывающих подвиг советского народа в битве за Москву.

Основная часть.

авторской теории интерпретации моделирования текстового когнитивного сценария нами предложена следующая трёхкомпонентная модель архитектоники этого динамичного исследовательского конструкта: терминалопоток, агенс-информант, 2) 3) фоновый информант. Фоновый информант может отсутствовать, в таком случае перед исследователем двухсоставный текстовый когнитивный сценарий.

Охарактеризуем каждый из компонентов архитектоники сценария. Под агенс-информани нами понимается совокупность номинантовагенсов, маркирующих действующего участника/участников ситуации, реализуемой в результате развёртывания когнитивного сценария. Агенс-информант рассматривается как совокупность актантов, вербализованных и невербализованных. Невербализованные актанты

получили название «нулевых актантов», наличие которых в архитектонике сценария обусловлено именно спецификой синтаксической структуры предложений в ряде языков, т.е. отсутствием подлежащего. Текстовый когнитивный сценарий, в составе которого есть агенс-информантом мы предлагаем наименовать персонифицированный текстовый когнитивный сценарий.

В архитектонике художественного текста выявлены также когнитивные сценарии, в которых описана динамика событий связанных не с человеком, а с явлениями природы. Этот тип сценария получил название неперсонифицированный текстовый когнитивный сценарий, а термин «агенсинформант» заменён термином «стихияинформант». Под термином стихия-информант нами подразумевается совокупность номинантов, репрезентирующих проявления четырёх природных стихий, а именно, огня, воздуха, воды, земли, т.е. стихия-информант - это совокупность репрезентантов явлений природы.

Второй сегмент архитектоники сценария *терминалопоток*, наличие которого обязательно в структуре как персонифицированного, так и неперсонифицированного текстового Терминалопоток когнитивного сценария. представляет собой совокупность *п*-количества терминалов, каждый из которых включает в свой состав сказуемое (предикат), репрезентируя последовательность действий, реже событий. Исследования показали, что предикат в структуре является ядерным элементом, терминала вследствие чего в терминале не может быть нулевого предиката. Ядерный элемент структуре терминала может сочетаться с nколичеством любых типов актантов, подчинительно связанных ядром, исключением актанта-агенса или номинанта стихия-информанта, которые не входят подчинительную смысловую связь, а являются равноуровневыми с ядерным элементом рассматриваются нами как компоненты другого сегмента сценарной архитектоники - агенсинформанта/стихия-информанта.

Терминалопоток может быть *линейным* и *нелинейным*. Специфика терминалопотока определяет линейность/нелинейность сценария.

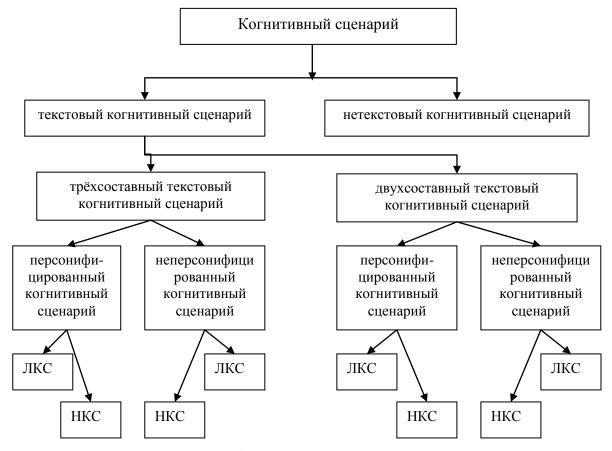
В авторской концепции под линейным когнитивным сценарием понимается динамичная когнитивная структура, репрезентирующая последовательность действий, событий, реализуемых реже виле терминалопотока как совокупности терминалов, сопряженных с одним или несколькими агенсаминоминантами или компонентами информанта, представляющими смысловое единство агенс-информанте/стихияинформанте, единство, являющееся неизменным в плане содержания на протяжении всего развёртывания сценария при допущении лексикосемантических замен в плане выражения.

Под нелинейным когнитивным сценарием понимается динамичная когнитивная структура, которая репрезентирует многовекторность действий или событий, репрезентированных в тексте в виде нескольких терминалопотоков, представляющих собой совокупность терминалов, сопряженных с двумя и более агенсами-номинантами или компонентами стихия-информанта, представляющих собой два и более смысловых единств, количество которых варьируется на протяжении всего развёртывания сценария, т.е. агенсы-номинанты или компоненты стихия-информанта маркируют различные источники импульсов действий.

Фоновый информант рассматривается в виде совокупности фоновых терминалов, номинанты которых репрезентируют различную информацию: уточняющую, поясняющую, предваряющую или подводящую некий итог реализации когнитивного сценария.

Проведённые исследования позволили обосновать авторскую типологию текстовых когнитивных сценариев, отражённую в следующей схеме, в которой приняты условные обозначения: ЛКС — линейный когнитивный сценарий; НКС — нелинейный когнитивный сценарий.

Cxeмa. Архитектоника когнитивного сценария Scheme. Architectonics of cognitive script

Данная схема, впервые предложенная в 2015 году в статье «Архитектоника текстового когнитивного сценария в интерпретативном поле перевода» [6], наглядно иллюстрирует авторскую типологию текстовых когнитивных сценариев, состоящую из восьми типов, и указание на существование нетекстовых когнитивных сценариев, которые требуют отдельного детального исследования, поэтому на схеме не уточняются.

Дальнейшее исследование архитектоники текстового сценария специфику выявило корреляции текстовой темпоральной модели и модели самого сценария. Так, например, анализ динамичного сегмента концептосферы произведения Бека художественного A. «Волоколамское шоссе» выявил следующие высокочастотные типы корреляции двух моделей: сегментарный темпоральный (1) поток когнитивного архитектонике сценария; темпоральная точка как ядро темпорального потока в архитектонике когнитивного сценария; поляризации временных маркеров архитектонике когнитивного сценария.

В статье приняты следующие авторские условные обозначения: A – агенс, $\mathcal{O}\mathbf{A}$ – нулевой

агенс, T — терминал, ΦT — фоновый терминал. Поскольку в исследуемом материале выявлен субсценарий, то вводятся дополнительные условные обозначения: CA — субсценарный агенс, ΦCA — нулевой субсценарный агенс, ΦCA — нулевой субсценарный агенс, ΦCA — компонента архитектоники сцены, а именно на: 1) номер агенса в агенс-информанте, 2) номер терминала в терминалопотоке при развёртывании сценария, 3) номер терминала в фоновом информанте.

Рассмотрим следующие когнитивные сценарии, в архитектонике которых выявлены различные репрезентанты времени.

1. Сегментарный темпоральный поток в архитектонике когнитивного сценария.

Пример: (Т-1) Седьмого октября (A-1) мы (Т-1) выгрузились в лесу близ Волоколамска, (Φ T-1) в ста двадцати километрах западнее Москвы.

(ØA-1) (T-2) Меня вызвали к командиру полка на станцию.

(**ФТ-2**) Запомнились выстроившиеся близ полотна приземистые клепаные башни, выкрашенные маскировочным узором — зелеными

и серыми разводами. Это были вместилища бензина.

Мог ли я знать, что (*OCA-2.1*) скоро (*CT-2.1*) увижу на фоне угрюмого октябрьского неба, как без грохота, (*CA-2.5*) который (*CT-2.5*) дошел позднее, без пламени и дыма, (*CA-2.6*) которые (*CT-2.6*) заволокли горизонт потом, они, (*CA-2.2*) эти железные башни, враз (*CT-2.2*) медленно поднимутся и, (*OCA-2.3*) словно (*CT-2.3*) повисев (*OCA-2.4*) (*CT-2.4*) мгновение, рухнут?

(T-3) Подходя к станционному зданию — (ФТ-3) впоследствии от него осталась лишь раскрытая кирпичная коробка с хвостами копоти над пустыми окнами, — (A-3) я издали (Т-3) заметил длинный состав платформ, груженных пушками. (T-4) Меня кто-то окликнул. (T-5) У состава я увидел полковника Малинина, (ФТ-5) командира артиллерийского полка нашей дивизии [11, с. 9].

Когнитивно-герменевтический анализ контекста показал, что в первом терминале точечная хронема седьмого октября маркирует точку отсчёта развёртывающегося сценария, состоящего из пяти терминалов. Второй терминал субсценарий, своём составе имеет В коррелирующий c фоновым терминалом субтерминалов. состоящий ИЗ шести Примечательно, что именно в субтерминале реализован сегментарный темпоральный поток. Под темпоральным сегментарным потоком понимаем совокупность хронем, контекстуальная последовательность которых не совпадает с их контекстуальной смысловой последовательностью.

Так, в рассматриваемом субсценарии: Мог ли я знать, что (**ØCA-2.1**) скоро (**CT-2.1**) увижу на фоне угрюмого октябрьского неба, как без грохота, (СА-2.5) который (СТ-2.5) дошел позднее, без пламени и дыма, (СА-2.6) которые **(СТ-2.6)** заволокли горизонт потом, они, **(СА-2.2)** эти железные башни, враз (СТ-2.2) медленно поднимутся и, (ОСА-2.3) словно (СТ-2.3) повисев **(ОСА-2.4) (СТ-2.4)** мгновение, рухнут? в первом терминале прослеживается временной вектор в будущее ключевой хронемы OT сценария седьмого октября, вектор, вербализованный хронемой скоро, за которой контекстуально следует хронема позднее и хронема потом, репрезентирующие более отдалённые точки на линейке времени, чем контекстуально расположенные за ними хронемы враз медленно → мгновение, которые, подчеркнём, непосредственно следуют за хронемой скоро в рамках контекстуальной смысловой последовательности.

Примечательно, что хронемы рассматриваемого темпорального потока

субсценария являются хронемами-гипонимами к хронеме-гиперониму *октябрьское небо*.

Дальнейшее исследование показало, что в третьем терминале, а именно в фоновом терминале автором также применен приём отсылки к будущему времени по отношению ко событий описываемых времени В самом репрезентировано терминале, что В целом Рассматриваемый хронемой впоследствии. сценарий текстовым является нелинейным когнитивным сценарием.

2. Темпоральная точка как ядро темпорального потока в архитектонике когнитивного сценария.

Пример: A (A-I) Москва в это время (T-I) напряженно создавала новый фронт в ста двадцати – ста пятидесяти километрах от городской черты, (ΦT -1) на рубежах, которые вошли в историю под названием «дальних подступов к столице». (Т-2) С московских вокзалов без речей и оркестров отправлялись (А-2) коммунистические батальоны в штатском, (ФТ-2) получавшие оружие и обмундирование в пути. (Т-5) За день-два до нашего прибытия (Т-3) было переброшено на грузовиках чепез Волоколамск к Московскому морю (А-3) пехотное училище имени Верховного Совета; (Т-4) за ним туда (Т-4) отправилось с учебными орудиями Московское Краснознаменное артиллерийское училище. (ФТ-4) Москва посылала навстречу врагу свежие силы и вооружение, в том числе и эти пушки [11, с. 10].

рассматриваемом контексте моддя темпорального потока является словосочетание наше прибытие, репрезентирующее точку на временной оси и сопряжённое с маркером времени – словосочетанием за день-два до (нашего прибытия), соотносящимся происшедшими накануне событиями. Несмотря контекстуальное расположение архитектонике сценария это ядро входит в структуру пятого, последнего терминала, то есть терминалы с точки зрения содержания следуют а с перемещением за другом, событийного вектора в будущее после второго терминала сразу к пятому и возврат к третьему терминалу. В этом заключается специфика рассматриваемого сценария.

В первом терминале хронема в это время коррелирует с проксемой новый фронт в ста двадцати — ста пятидесяти километрах от городской черты. Более того, в качестве агенсинформанта выступает астионим Москва. Известно, что астионим — это вид йоконима, который в свою очередь, является одним из типов топонимов. Агенс-информант исследуемого

сценария — астионим Москва в контексте олицетворён. Напомним, что олицетворение — это один из тропов, одна из стилистических фигур, которая описывает свойства предмета или явления путем сравнения его с живым существом. В этом случае предмет/ явление приобретают несвойственные ранее черты по принципу сходства, т.е. «оживают». Москва, столица нашей Родина, по замыслу автора становится реально действующим субъектом подготовки обороны от фашистов. В третьем терминале выявлены ещё два топонима: астионим Волоколамск и пелагоним Московское море.

первом фоновом терминале выявлена лингвокультурема, репрезентирующая реалию военного времени «дальние подступы к столице». Необходимо подчеркнуть, что в данном контексте высокочастотны лингвокультуремы, репрезентирующие реалии военного времени: коммунистические батальоны, пехотное училище имени Верховного Совета. Московское Краснознаменное артиллерийское училище. Автором употреблён советизм Верховный Совет, репрезентирующий реалию административной системы управления.

Подчеркнём тот факт, что архитектоника исследуемого сценария насыщена топонимами, лингвокультуремами; писателем применён приём олицетворения, корреляция хронемы и прокемы, что придало содержанию терминалов реализм военного времени. Рассматриваемый сценарий, как и в первом контексте, является нелинейным текстовым когнитивным сценарием.

3. Поляризации временных маркеров в архитектонике когнитивного сценария.

Пример: (T-I) Вечером (A-I) мы (T-I) выступили в ночной марш к реке Рузе, (ΦT -I) за тридцать километров от Волоколамска.

Житель южного Казахстана, я привык к поздней зиме, а здесь, в Подмосковье, в начале октября утром уже подмораживало. (T-2) На рассвете по схваченной морозом дороге, по затвердевшей, вывороченной колесами грязи (A-2) мы подошли к селу Новлянскому — (ФТ-2) самому крупному населенному пункту нашего батальонного участка.

(A-3) Глаз (T-3) сразу отметил силуэт невысокой колокольни, ($\Phi T-3$) черневшей в мутном небе.

(A-4) (T-4) Оставив батальон близ села, в лесу, (A-5) я с командирами рот (T-5) отправился на рекогносцировку.

(ФТ-5) Моему батальону было отмерено семь километров по берегу извилистой Рузы. В бою, по нашим уставам, такой участок велик даже для полка [11, с.10].

Когнитивно-герменевтический анализ архитектоники контекста определил тот факт, что данный сценарий относится к группе сценариев с поляризацией временных маркеров, а именно рассвете. Эти хронемы вечер на продублированы другими хронемами: в первом терминале хронема *вечер* коррелирует с хронемой ночь: <u>вечером</u> (**A-1**) мы **(T-1**) выступили в <u>ночной</u> марш; хронема второго терминала на рассвете коррелирует с хронемой первого фонового терминала утром. Также выявлена точечная хронема в начале октября.

Как и в предыдущем контексте, в этом контексте значимое количество топонимов, которые способствую воссозданию местности, гле происходили описываемые события: астионим Волоколамск и комоним село Новлянское взаимосвязаны как проксема, маркирующая начало пути в первом терминале и маркирующая проксема, конечный следования во втором терминале. Топонимы первого фонового терминала – хоронимы: южный Казахстан и Подмосковье маркирую периферию и Центр на карте страны того времени. Примечательно, что потамоним река Руза употреблён и в первом терминале и в последнем, пятом, терминале, т.е. писателем применён принцип смысловой пространственной завершённости в архитектонике сценария. Рассматриваемый сценарий, как и в двух предыдущих контекстах, является нелинейным текстовым когнитивным сценарием.

Заключение

Архитектоника текстового когнитивного сценария, представляющая собой комплексную когнитивную динамичную структуру концептосфере художественного малоизученна в настоящее время. Авторский подход к исследованию архитектоника текстового когнитивного сценария позволил смоделировать этот когнитивный формат знания. Дальнейшие исследования, представленные в практической части этой статьи, выявляют степень корреляции темпоральной модели текста И архитектоники текстового когнитивного сценария при развёртывании терминалопотоков сценария.

В рассматриваемой концептосфере текста произведения «Волоколамское шоссе» установлена следующая корреляция моделей: (1) сегментарный темпоральный поток в архитектонике когнитивного сценария; темпоральная точка как ядро темпорального потока в архитектонике когнитивного сценария; маркеров поляризации временных архитектонике когнитивного сценария. Проанализированные типы корреляция модели

времени и модели сценарных событий наиболее частотны в романе «Волоколамское шоссе». Иные типы корреляции, как менее частотные, остались за рамками данной статьи.

Примечательно, что В рассмотренном материале сегментарный темпоральный поток в когнитивного архитектонике сценария, пяти терминалов, состоящего ИЗ четырёх фоновых терминалов, реализован в субсценарии, в котором время репрезентировано в виде разновекторных потоков. Темпоральная точка как ядра темпорального потока в архитектонике когнитивного репрезентирована в сценария насыщенном лингвокультуремами, контексте, овнешняющими реалии военного времени периода Битвы за Москву. Поляризация маркеров архитектонике временных В сценария репрезентирована в когнитивного контексте, в котором выявлены дублирующие хронемы как маркеры поляризации.

архитектоники трёх сценариев выявил высокую частотность топонимов. репрезентирующих В произведении местности, где происходили реальные события того времени. Высокая частотность употребления придаёт динамизм трагизм хронем И описываемым событиям.

В целом, архитектоника сценариев насыщена фоновыми терминалами: в первом контексте — четыре фоновых терминалами при пяти основных терминалах, во втором контексте — три фоновых терминала при пяти основных терминалах, в третьем контексте — четыре фоновых терминала при пяти основных терминалах, что характеризует особенности идиостиля писателя.

Список литературы

- 1. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова. Волгоград: Перемпена, 2006. 228 с.
- 2. Алефиренко Н.Ф. Текст дискурс язык // Русская филология. Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. Харьков. 2007. № 2-3 [33]. С. 3-7.
- 3. Залевская А.А. Некоторые проблемы понимания текста // Вопросы языкознании. 2002. № 3. С. 62-73.
- 4. Кубрякова Е.А. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 72-81.
- 5. Москальчук Г.Г. Как возникают синергетические эффекты в тексте // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. № 2. 2016. С. 8-16.
- 6. Огнева Е.А. Архитектоника текстового когнитивного сценария в интерпретативном поле перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 С. 61-70
- 7. Солганик Г.Я. К определению понятия «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. 2005. \mathbb{N} 2. С. 8-10.

- 8. Cowley S.J. The Cognitive Dynamics of Distributed Language // Languages Sciences. 2007. 29/5. P. 575-583.
- 9. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. L.: Longman. 1999.

Электронные ресурсы:

10. Волоколамское шоссе. URL: https://ru.wikipedia.org/wikiВолоколамское_шоссе (дата обращения 10.10.2016)

Источник фактического материала:

11. Бек. А. Волоколамское шоссе. М.: Советский писатель, 1981. 574 с.

References

- 1. Alefirenko N.F. Language, Cognition, and Culture: Cognitive-semiological synergy of the word. Volgograd: Peremena, 2006. 228 p.
- 2. Alefirenko N.F. Text discourse language // Russkaya filologiya. Ukrainskiy Vestnik. Kharkov. № 2-3 [33]. 2007. Pp. 3-7.
- 3. Zalevskaya A.A. Some issues of text interpreting // *Voprosi yazikoznaniya*. № 3. 2002. P. 62-73.
- 4. Kubryakova E.S. About the text and its categories // *Tekst. Struktura I semantika*. T. 1. Moskva, 2001. Pp. 72-81.
- 5. Moskalchuk G.G. What is the way of synergy effects appearance in the text // Vesnik PNIPU. Problemi yazikoznaniya i pedagogiki. № 2. 2016. Pp. 8-16.
- 6. Ogneva E.A. Architectonics of textual cognitive script in the interpretive sphere of translation // *Voprosi kognitivnoy lingvistiki*. № 2. 2015. Pp. 61-70.
- 7. Solganil G.Ya. The identification of theconcept «text» and the concept «mass-media text» // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2005. № 2. Pp. 8-10.
- 8. Cowley S.J. The Cognitive Dynamics of Distributed Language // Languages Sciences. 2007. 29/5. Pp. 575-583.
- 9. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. L.: Longman. 1999.

Electronic resources:

10. Volokolamsk Highway. URL: https://ru.wikipedia.org/wikiВолоколамское_шоссе (date of access: October 10, 2016).

Resources of actual material:

11. Bek. A. *Volokolamsk Highway*. Moskva: Sovetskiy pisatel, 1981. 574 p.

Огнева Елена Анатольевна

зав. кафедрой иностранных языков, доктор филологических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д.85, г. Белгород, 308015, Россия

Ogneva@bsu.edu.ru

Elena Anatolyevna Ogneva

Head of Department of Foreign Languages Dr. of Philological Sciences, Associate Professor Belgorod State National Research University 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia Ogneva@bsu.edu.ru 89205845857

УДК 81'42 DOI: 10.18413/2313-8912-2016-4-4-16-20

Чиковани Т. В.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «СТРАДАНИЕ», «ЖИЗНЬ», «СМЕРТЬ» В ПРОПОВЕДИ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО «НА СЛОВА: «ПРЕДОСТАВЬТЕ МЕРТВЫМ ПОГРЕБАТЬ СВОИХ МЕРТВЕЦОВ»

старший преподаватель, Таврическая Академия Крымского Федерального Университета им.В.И.Вернадского, кафедра иностранных языков №2, просп. Вернадского, 4, Симферополь, 295007, Россия, *chykovanitatiana@gmail.com*

Аннотация. В статье представлен обзор различных подходов отечественных лингвистов к понятию проповеди как одного из форматов религиозного дискурса в отображении религиозной картины мира. Проводится концептуальный анализ проповеди Святителя Луки Симферопольского и Крымского (В.Ф. Войно-Ясенецкого) «На слова: «Предоставьте мертвым погребать своих мертвецов». В результате проведенного анализа нам удалось определить дискурсивные тенденции и стилистические приемы вербализации концептов «страдание», «жизнь» и «смерть», а также выделить 17 сверхчастотных лексем-коллокатов, входящих в концептуальные поля «вера», «страдания», «смерть», «рациональность», составляющих ядро рассматриваемой проповеди и символизирующих не только систему религиозных воззрений Святителя Луки в формате православной картины мира, но и неотъемлемых совокупность составляющих профессиональной определяющих деятельности архиепископа-врача. Сделаны выводы, определяющие особенности, характеризующие языковую личность Святителя Луки.

Ключевые слова: когнитивная доминанта; концептуальное поле; лексема; проповедь; религиозный дискурс; сема; языковая картина мира; языковая личность.

Chikovani T. V.

VERBALIZATION OF THE CONCEPTS «SUFFERING», «LIFE» AND «DEATH» IN THE SERMON «TO THE WORDS: «LET THE DEAD BURY THEIR DEAD» BY SAINT LUKA OF SIMFEROPOL AND CRIMEA

Senior Lecturer, Crimean Federal V. Vernadsky University, Taurida Academy, Foreign Languages Department №2, 4 Vernadskogo Ave., Simferopol, 295007, Russia, *chykovanitatiana@gmail.com*

Abstract. The article presents an overview of different approaches of Russian linguists to the concept of a sermon as one of the formats of the religious discourse in the display of the religious picture of the world. A conceptual analysis of St. Luka's of Simferopol and Crimea (Voyno-Yasenetsky) sermon «To the words: «Let the dead bury their dead» was conducted. As a result of the analysis, we were able to identify some discourse tendencies and stylistic techniques of verbalization of the concepts «suffering», «life» and «death», and also to allocate 17 superfrequent lexeme-collocates included into the conceptual field of «faith», «suffering», «death», «rationality», which form the core of the sermon under consideration and symbolize not only the religious beliefs of St. Luka in the format of Orthodox Christianity, but also determine the set of integral components of professional activity of the Archbishop-doctor. The conclusions determining the features that characterize the linguistic personality of St. Luka were made.

Key words: cognitive dominant; conceptual field; lexeme; linguistic personality; linguistic picture of the world; religious discourse; seme; sermon

В современной картине мира религиозное мировоззрение приобретает все более весомое значение в процессе формирования моральных и этических ценностей. С точки зрения лингвистики данный концепт рассматривается в формате религиозного дискурса. Изучением религиозного

дискурса занимаются такие ученые – лингвисты как Е. Ю. Балашова, Е. В. Бобырева, И. В. Бугаева, Д. А. Звездин, В. И. Карасик, А. Ю. Малафеев, Е. А. Огнева, Е. В. Петрухина, А. Г.-Б. Салахова, Е. И. Хазанжи, М. А. Шахбазян, С. В. Шепитько, И. Н. Щукина, О. В. Яскевич, Ф. О. Яхнева и др.

Актуальность нашей статьи продиктована возрастающим интересом к православной проповеди как формату религиозного дискурса и отображению религиозной картины мира.

В новейших исследованиях религиозной картины мира появились разновидности: *церковная*, *христианская*, *православная* и др. картины мира [7].

Е.В. Петрухина, занимающаяся исследованием православной картины мира на примере Книги Святителя Луки (В. Ф. Войно-Ясенецкого) «Дух, душа и тело», приходит к выводу, что «несколько сохранившихся ключевых слов-идентификаторов христианского мировоззрения могут сохранять целую систему взаимосвязанных идей, в настоящее время носителями языка не воспринимаемую во всей ее целостности» и представляет анализ семантики и употребления в современном русском ключевых лексем христианского языке мировоззрения душа и дух в сопоставлении содержанием и функциями данных лексем в религиозном, православном дискурсе Интересным, абсолютно неоспоримым актуальным в нашем случае фактом является утверждение Е. В. Петрухиной о том, что в книге Святителя Луки «дух и душа – это слова, при помощи которых автор, опираясь на Священное Писание, излагает христианское представление об устройстве нашего мира и человека. Поэтому система значений данных слов обретает в книге Луки целостность святителя взаимообусловленность. Излагая христианскую точку зрения, он соотносит ее со своими медицинскими знаниями, а также научными сведениями о мозге, познании, интуиции, памяти и почерпнутыми разнообразных ИМ ИЗ др., источников [5]». Занимаясь исследованием проповедей данного православного святого на протяжении времени, мы постоянно имеем возможность убедиться В объективности вышесказанного.

E. A. Огнева подчеркивает, что «религиозный дискурс как один из типов дискурсов представляет собой совокупность различных форматов знания, одним из который является проповедь. Архитектоника проповеди обусловлена конфессиональными правилами, однако с лингвокогнитивной точки зрения она может представлять собой различные типы образований корреляции когнитивных когнитивных структур как статичных, так и динамичных[3, С. 38].

Согласно мнению О. В. Яскевич, «текст проповеди обладает всеми (как внутренними, так

внешними) характеристиками текста: разложимостью на более мелкие единицы и несводимостью к ним, связью с адресатом и направленностью на адресата. Таким образом, проповедь имеет все признаки, позволяющие идентифицировать ее как текст, имеющий определенную специфику: религиозная проповедь это последовательность определенных предложений, связанных между собой относительно законченной темой; проповедь обладает семантической завершенностью, имеет функциональную доминанту - воздействие на адресата, содержит в себе элементы различных семиотических также обладает определенной a систем, композиционной моделью [9]».

Е. Н. Щукина и Е.И.Хазанжи обращают внимание на динамику определения понятия «проповедь», отмечая, что за последние сто с небольшим лет оно приобрело дополнительную сему. Согласно их мнению, первым и главным средством гармонизации является рациональная адресность. «Общепринято мнение, что русские «живут сердцем», им же и воспринимают мир; православные священники однако адресуются К рациональной составляющей сознания, В религиозных текстах эмоциональное воздействие часто используется с рациональной целью убедить человека». Особое ученые уделяют внимание роли «Употребляя старославянизмов: слова, созданные по модели старославянского языка, собственно старославянизмы, привычный порядок слов, священнослужители привлекают внимание реципиентов. Художественные выразительности: средства метафоры, градация, антитеза придают проповедям звучность и поэтичность, гармонично воздействуя на сознание адресата. Употребление выразительных средств эстетизирует текст, дополняет его содержание. Проповедь становится «красивой», поэтичной, благозвучной, что облегчает ее восприятие прихожанами, удовлетворяет их стремление к прекрасному, инициирует работу над собой с целью усовершенствовать свои отношения с миром и Богом [8, C.41]».

Материалом для исследования послужил текст проповеди Святителя Луки «На слова: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов», произнесенной с амвона Симферопольского Свято-Троицкого Кафедрального собора 28 июня 1947 года.

В качестве вступления к проповеди «На слова: «Предоставь мертвым погребать своих Святитель Лука посредством мертвецов» парафраза передает притчу о том, как Иисус Христос сказал книжнику, что «и птицы имеют гнезда и лисицы — норы, а Сын Человеческий не имеет, где главу приклонить». Отвечая на поставленный вопрос «Для чего сказал это Господь?», Святитель использует присущее ему духовно-нравственное красноречие, повествуя о страданиях, лишениях и гонениях, которые предполагает путь в Царствие Небесное: «Это надо знать каждому христианину, если он захочет идти за Христом: надо приготовить себя ко всяким лишениям, всяким скорбям, всяким гонениям». Тема страданий и гонений, постоянно возникающая проповедях Святителя, В подчеркивает определенные доминанты, характерные для православной картины мира. На первый план выступают особенности языковой личности автора, лично перенесшего страдания, лишения, гонения в «горнилах уничижения», в ссылках, проявив лагерях при невообразимое терпение смирение. Многозначным призывом в этой связи звучат слова Святителя Луки: «Вот эти святые слова запомните: люди, угодные Богу, испытываются в горниле уничижения. Они как сор в мире, не походят на всех мирских людей, идут не тем путем. которым идет огромное-огромное большинство людей».

Далее Святитель Лука обращается к притче, в которой Иисус Христос «сказал слова, которые кажутся удивительными, чрезмерно суровыми: «Предоставь мертвым погребать мертвецов». В рассуждении о смысле и значении данной притчи, на первый план выступают явные когнитивные доминанты, представляющие извечную бинарную оппозицию «жизнь-смерть»: «На вечную смерть будут осуждены отвергиие путь Христов, те, кто заботится о всех мертвых делах, о всем, что относится к смерти; мы же думать должны только о вечной жизни». Лексема «мертвые» выступает в значении «духовно мертвые», то есть «грешники»; под «мертвыми делами» подразумеваются, соответственно, грехи человеческие. Святитель Лука призывает идти за Христом, чтобы не стать мертвыми духовно.

Однако, в заключительной части проведи автор переходит к рассуждению о смерти с физической, наряду с духовной, точки зрения, с позиции синтезированного образа проповедника и врача, призывая паству всегда иметь память

смертную и не забывать, что смерть тела не является смертью души: «О смерти мы должны помышлять: смерть неизбежная должна быть напоминанием о том, что после нее мы предстанем на Суд Божий. Смерть тела должна напоминать о том, что только тело умирает, а душа будет вечно жить. Смерть тела не должна страшить тех, кто идет неуклонно путем Христовым: смерти все святые ждали спокойно, даже радостно».

В заключении проповеди Святитель Лука делает вывод из сказанного и со свойственной его языковой личности убедительностью, заключает: «Видите, что эти слова, которые кажутся такими суровыми, не таковы: это святые слова, напоминающие нам о жизни вечной, ибо для этой предназначены *мы»*. жизни все кульминационной части проповеди звучит жизни призыв отказаться OT греховной: «Оставим же заботы о делах мертвых и всем сердцем устремимся к заботе о том, чтобы стяжать жизнь вечную, ея же да сподобит всех вас Господь и Бог наш Иисус Христос».

Не перестают удивлять своим разнообразием средства выразительности и стилистические фигуры, столь искусно употребляемые Святителем Лукой, одновременно свидетельствующие о богатейшем тезаурусе языковой личности проповедника и отражающем языковую картину мира.

Среди многообразия изобразительновыразительных средств, мы считаем возможным выделить следующие:

эпитеты (скорбный, тесный путь; чрезмерно суровые слова; мертвые дела; вечная смерть; святые слова, удивительные слова; светлая, радостная жизнь; вечная слава и др.);

синонимические парадигмы представлены лексемами лишения — скорби — страдания; думать — помышлять; светлый — радостный;

антонимические пары, не отличаясь в данном случае привычным разнообразием, характеризуются высокой частотностью употребления лексем жизнь — смерть, живой — мертвый, которые, в свою очередь, являются ядерными концептами проповеди;

метафорическое сравнение («Они как сор в мире, не походят на всех мирских людей...»;

метафора («...люди, угодные Богу, испытываются в горниле уничижения...»; «идти за Христом»; «путь Христов»; «мертвые дела»; «...всем сердцем служат Ему...»; «всем сердцем устремимся к заботе о том, чтобы стяжать жизнь вечную»; «обременять сердца наши»;

«...кончили путь свой путь и предстали пред очами Божиими»; «Заботы...всех мертвых делах, должны быть чужды сердцу нашему»; «тесный путь»; «отвергиие путь Христов»и др.);

гипербола («огромное-огромное большинство людей»);

лексический повтор («...надо приготовить себя ко всяким лишениям, всяким скорбям, всяким гонениям»; «К жизни, к вечной жизни, светлой и радостной жизни должны мы стремиться»);

анафора («...если идти за Ним, будем в таком же положении, как Он: не будем иметь, где главу приклонить, будем переходить с места на место, терпеть лишения, скорби, будем терпеть гонения, холод и голод»; «);

композиционный стык (анадиплосис) («...путь в Царство Небесное есть скорбный, тесный путь, путь страданий и лишений»; «...ибо пред нами надежда жизни вечной, вечной славы»);

сравнение («...и, как Он терпел в мире гонения, лишения, и они должны быть готовы всё претерпеть ради имени Его святого»; «...если идти за Ним, будем в таком же положении, как Он...»; «Господь Иисус Христос ответил, как никто никогда не мог бы ответить...»);

антитеза («Не ищут они своего, ищут славы Божией...»; «...только тело умирает, а душа будет вечно жить»).

Градация создает атмосферу возвышенности и одухотворенности («Заботы о мертвом, о всех мертвых делах, должны быть чужды сердцу нашему. К жизни, к вечной жизни, светлой и радостной жизни должны мы стремиться. Смерть и всё, что сопряжено с нею, должно быть чуждо нам, ибо пред нами надежда жизни вечной, вечной славы»; «Видите, что эти слова, которые кажутся такими суровыми, не таковы: это святые слова, напоминающие нам о жизни вечной, ибо для этой жизни предназначены все мы»).

Наряду приведенными характеристиками, категория сакральности реализуется в проповеди посредством следующих приемов: прямое апеллирование к адресату («Видите, что эти слова...не «Оставим же заботы о делах мертвых...»; «Вот эти святые слова запомните...»); перифраза (Сын Человеческий); инверсия («Об говорит удивительными словами Иисус Сын Сирахов...»; «Не ищут они своего...»; «...должны мы стремиться...»; «На вечную смерть будут осуждены отвергиие путь Христов...»; «...не должны мы заботиться 0 смерти»); постпозитивные определения («имя Его святое»;

«отца своего»; «жизнь вечная»; «сердца наши»; «смерть неизбежная»); архаизмы библеизмы (уничижение, очи, ея, книжник, стяжать, сподобить); антропонимы (Иисус Сын Сирахов); риторический вопрос («Для чего сказал это Господь?»; «Что может быть похоронить естественнее желания отца своего?»; «Что же это такое?»); а также дискурсивная активация ряда бинарных оппозиций «жизнь – смерть», «живой – мертвый».

Когнитивными доминантами проповеди являются концепты «страдания», «жизнь» и «смерть», символизирующие не только систему религиозных воззрений Святителя Луки в формате православной картины мира, но и определяющих совокупность неотъемлемых составляющих профессиональной деятельности врача.

- В данной проповеди мы посчитали возможным выделить следующие тенденции:
- 1) дискурсивная активация лексем, объединенных семой религиозной/ духовной жизни: Царство Небесное, Божий. Божий(3), *святой(4),* $\partial yua(2)$, κ нижник(2), христианин. Синонимический ряд концепта Бог представлен лексемами Γ ocnoдь(4), Xристос(4), Сын Человеческий(3), Он(3)/Eго(3), Бог(2), Господь Бог, Господь Иисус Христос, Господь и Бог наш Иисус Христос.
- 2) дискурсивная активация лексем, входящих в концептуальное поле *«страдания»: лишения(4), гонения(3), (пре)терпеть(4), скорби/скорбный(3), холод, голод, страдания, уничижение, служить(2);*
- 3) дискурсивная активация лексем с общей семой *«смерть»: смерть*(10), *мертвый*(7), *хоронить*(3), *умирать*;
- 4) дискурсивная выраженность внимания к онтологической сфере: все(12), жизнь(8), люди(5), мир(4), заботы(4), заботиться(2), отец(2),слава(2). Медицинская лексика представлена лексемами сердце(5), тело(3);
- 5) дискурсивная выраженность внимания к семе *«рациональность»*: $u\partial mu(8)$, nymb(7), cлoso(6), dena(6), nanomunanue(3), namb(2), namb(2),
- 6) вербализация лексем, передающих эмоциональное состояние представлена прилагательными вечный(8), радостный(2), удивительный(2), суровый(2), светлый.

В результате проведенного концептуального анализа нам удалось выделить ряд лексем-коллокатов, входящих в концептуальные поля «вера», «страдания», «смерть», «рациональность»: Господь(4), Христос(4), Сын

Человеческий(3), Oh(3)/Ezo(3), святой(4), Божий(3), душа(2), книжник(2),

лишения(4), гонения(3), (пре)терпеть(4), скорби/скорбный(3), смерть(10), мертвый(7), хоронить(3), все(12), жизнь(8), люди(5), мир(4), заботы(4), заботиться(2), сердце(5), тело(3), идти(8), путь(7), слово(6), дела(6), напоминание(3), вечный(8).

Обобщив полученные данные, мы выделили 17 сверхчастотных лексем-коллокатов, составляющих ядро рассматриваемой проповеди: Господь, Христос, святой, лишения, (пре)терпеть, смерть, мертвый, все, жизнь, люди, мир, заботы, сердце, путь, слово, дела, вечный.

В заключении мы пришли к выводу, что автору удалось вербализировать концепты «страдания», «жизнь» и «смерть» без определенных штампов и клишированных фраз, говоря на своем узнаваемом языке — остро, не банально, но очень точно и гармонично.

Список литературы

- 1. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): Автореферат. Волгоград, 2007. 45с.
- 2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. М. : Гнозис, 2004.-390 с
- 3. Огнева Е.А. Когнитивная сцена как формат репрезентации религиозного знания (на материале проповеди митр. Антония Сурожского «Sunday Before Pentecost») // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. Т. 2. $Netonome{Net}$ 1(7). С.31 38
- 4. Петрухина Е.В. Закономерности изменений в русской языковой картине мира: представления о духе и душе // Вопросы когнитивной лингвистики, 2012. Выпуск № 3.
- 5. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Спешите идти за Христом. Проповеди в Симферополе (1946-1948). Краматорск: 2009. 240с.
- 6. Шепитько С.В., Смирнова М.С. Языковая личность в религиозном дискурсе // Science and Education a New Dimension: Philology. 2013. N 13. С. 198-201.
- 7. Шестеркина Н.В. Религиозная картина мира // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 147-153.
- 8. Щукина И.Н., Хазанжи Е.И. Средства воздействия в православном дискурсе // Вестник Пермского Университета. Российская зарубежная филология. 2014. Вып. 1(25). С. 36-47.
- 9. Яскевич О.В. Православная проповедь в парадигме современного русского литературного языка. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.bsu.by/handle/ (дата обращения- 02.03.2016)

10. Яхнева Ф.О. Реализация концепта «The Lord's Entry into Jerusalem» в англоязычном дискурсе православного проповедника // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. №2. С. 236-240.

References

- 1. Bobyreva E. V. Religious discourse: values, genres, strategy (on the material of the Orthodox faith): abstract. Volgograd. 2007. 45 p.
- 2. Karasik, V. I. Language circle: personality, concepts, discourse [Text] / V. I. Karasik. Moscow: Gnosis. 2004. 390p.
- 3 Ogneva E.A. Cognitive Scene as a Format of Religious Knowledge Representation (Based on the Sermon «Sunday Before Pentecost « by Metropolitan Anthony of Sourozh) // Research Result. Issues on Theoretical and Applied Linguistics Series. 2016. Vol. 2. N 1 (7). p.31-38.
- 4. Petrukhina E. V. The Regularities of changes in the Russian linguistic picture of the world: the concept of spirit and soul // Issues of cognitive linguistics. 2012. Issue No. 3.
- 5.Saint Luka (Voyno Yasenetsky). Hasten to follow Christ. Simferopol Sermons (1946-1948). Kramatorsk: Tirazh-51. 2009. 240p.
- 6. Shepitko S. V., Smirnov M. S. The Linguistic personality in religious discourse // Science and Education a New Dimension: Philology. 2013. No. 13. Pp. 198-201.
- 7. Shesterkina N. V. The religious picture of the world // Cognitive studies of language. 2016. No. 25. Pp. 147-153.
- 8. Shchukina I. N., Hasani E. I. Means of influence in the Orthodox discourse // Vestnik of Perm University. Russian foreign Philology. 2014. Vol. 1(25). Pp. 36-47.
- 9. Yaskevich O. V. Orthodox sermon in the paradigm of the modern Russian literary language. [Electronic resource]. URL: http://elib.bsu.by/handle/ (date of access: March 2, 2016).
- 10. Jahneva F. O. Realization of the concept «The Lord's Entry into Jerusalem» in English discourse of the Orthodox preacher // Vestnik of Tver State University. Series «Philology». 2015. No. 2. Pp. 236-240.

Чиковани Татьяна Владимировна,

старший преподаватель

Таврическая Академия Крымского Федерального Университета им.В.И.Вернадского, кафедра иностранных языков №2

просп. Вернадского, 4, Симферополь, 295007, Россия

chykovanitatiana@gmail.com

Chikovani Tatiana Vladimirovna

Senior Lecturer

Crimean Federal V. Vernadsky University Taurida Academy, Foreign Languages Department №2 4 Vernadskogo Ave., Simferopol, 295007, Russia chykovanitatiana@gmail.com

УДК 81'373 DOI: 10.18413/2313-8912-2016-4-4-21-27

Шлейвис П. И.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

профессор кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения Института международного сервиса, туризма и иностранных языков, доктор филологических наук, профессор. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет», пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, 357532, Россия. alexander.0506@mail.ru

Аннотация: В статье подробно рассматривается основной комплекс лингвистически релевантных характеристик, присущих терминологическим единицам, вне зависимости от тематической области их функционирования. Автор рассматривает лингвистические особенности терминов через призму сопутствующих экстралингвистических факторов. Дается значительный аналитический обзор изучения природы термина и его салиентных признаков в онтогенетической разрезе. Особо подчеркивается важность понимания терминологических единиц с позиций когнитивного терминоведения. В работе представлено авторское понимание понятий «термин» и «терминосистема». В качестве основных и наиболее релевантных лингвистических характеристик терминологических единиц автор выдвигает следующие: моносемичность, системная принадлежность, соотнесенность с определенным специальным понятием, ограниченность сферы употребления, конвенциональность и стилистическая нейтральность, мотивированность. Автором также рассматриваются номинативность, благозвучность, интернациональность и современность терминологических единиц, однако, они не позиционируются как их салиентные признаки.

Ключевые слова: термин; терминосистема; терминология; прагматика; функциональный подход; субстанциональный подход; характеризация термина.

Shleyvis P. I.

LINGUISTICALLY RELEVANT CHARACTERISTICS OF TERMINOLOGICAL UNITS

Professor at The Chair of Theoretical Linguistics and Practice of Cross-cultural Communication, The Institute of International Service, Tourism and Foreign Languages, Doctor of Philology, Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University», 9 Kalinin Ave., Pyatigorsk, 357532, Russia. *alexander*.0506@mail.ru

Abstract. The article considers the main complex of linguistically relevant characteristics inherent in terminological units, regardless of thematic area of their functioning. The author investigates linguistic features of terms through a prism of the accompanying extralinguistic factors. The considerable state-of-the-art review of studying of the term nature and its salient characteristics in ontogenesis is provided. The importance of understanding of terminological units from positions of the cognitive science of terminology is highlighted. The article presents the author's understanding of the «term» and «terminological system» concepts. As for the main and most relevant linguistic characteristics of terminological units, the author puts forward the following ones: monosemic feature, system accessory, correlation to a certain special concept, limitation of the usage sphere, conventionality and stylistic neutrality, motivation. The nomination feature, sonority, internationality and the modernity of terminological units are also considered by the author, however, they are not positioned as their salient characteristics.

Key words: term; terminological system; terminology; pragmatics; functional approach; substantive approach; term characterization

Живя в эпоху тотальной глобализации, обусловливающей стремительный рост информационно-коммуникативных технологий, появление новых геоэкономических вызовов, политическую и экономическую культурную

интеграцию, мы становимся свидетелями стремительного роста и постоянного пополнения корпуса научных терминов самых различных областей знания, имеющих явную тенденцию к дальнейшему наращиванию объемов. Именно

поэтому в рамках современной науки о языке не угасает интерес к изучению закономерностей и особенностей формирования, становления и развития терминологических последующего систем. Подобный комплекс геополитических и глобально-экономических характеристик современного общества обосновывает насущную необходимость тщательного изучения различных практического областей теоретического И терминоведения и лексикографии.

Итак, считаем целесообразным рассмотреть базовые понятия современного терминоведения и основные подходы к пониманию сущности термина, взаимосвязь понятий «термин», «терминология» и «терминосистема», а также выявить комплекс общих характеристик терминологических имеющих единиц, несомненную лингвистическую значимость.

Проблема изучения специальной лексики и, в частности, терминологии является на сегодня одной ИЗ актуальных И важных задач языкознания. Термины изучаются в рамках отрасли лингвистики отдельной терминоведения. Современное терминоведение представляет собой межотраслевую дисциплину, изучающую семантическую основу функционирования грамматические законы терминов И терминосистем разнообразных отраслей деятельности индивида [10].

На сегодняшний день существует внушительное количество научных трудов, в которых исследуется понятие «термин», анализируется содержание данного понятия, рассматриваются его функции, а также лексикосемантические, прагмакоммуникативные и когнитивно-дискурсивные характеристики.

Еще в 1970-х годах, А.Д. Хаютиным рассматривалась идея создания новой научной дисциплины — терминоведения. По итогам проведенных исследований ученым были выделены 3 основных направления развития этого научного направления:

- собственно терминологическое (в рамках которого на основании общелингвистических закономерностей и принципов определяются и анализируются специфические характеристики терминологии как системы);
- терминографическое (фактически проводятся контрастивные исследования, основная цель которых заключается в составлении и усовершенствовании отраслевых терминологических словарей);
- терминоведческое (проведение частнолингвистических исследований конкретных

терминов и/или терминосистем на фактическом материале отдельных отраслей знания и/или отдельных языков) [25, с. 115-116].

Прежде всего необходимо рассмотреть некоторые теоретические вопросы в области терминоведения, в частности, изучить, что такое термин и какими характеристиками он обладает.

Несмотря на более раннее проведение ряда исследований в рамках работы с терминами различных областей науки и техники, большой интерес к терминоведению и его методам анализа возник именно в 50-х-60-х годах XX века, о чем свидетельствует появление многочисленных работ лингвистов в данной области. В кругу занимающихся проблемами ученых, терминологии, наибольшее признание получили А.А. Реформатского, которых труды В закладывались основополагающие принципы отечественного терминоведения. По его мнению, термины являются словами, ограниченными своим специфическим назначением, стремящимися быть однозначными для точного выражения понятий и называний вещей и явлений действительности. «Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии» [22, с. 115].

Сложная природа термина обусловливает терминологии интерес К проблемам существованию различных подходов определению данного понятия. Некоторые исследователи выводят достаточное логическое определение понятия «термин», другие стремятся к описательному раскрытию содержания понятия, при этом учитывая его характерные признаки.

На протяжении долгого времени (вплоть до 1970-х гг.) статус термина обладал довольно дискуссионным характером. Предпринимались попытки как выведения терминов за пределы посредством их противопоставления общеупотребительному пласту лексики [14], так и их отождествления друг с другом [16]. Однако уже к середине 1970-х гг. споры относительно данного противопоставления начали постепенно терять свою актуальность, что, в первую очередь, связано с пониманием термина как слова (или словосочетания), неразрывно связанного понятием и принадлежащего к той или иной области знания или деятельности.

Согласно В.В. Виноградову [7, с. 89], все своеобразие терминологической единицы заключается именно в ее строении, т.е. ее внутренней семантической организации: «Специфика термина лежит не в плане выражения, а в плане содержания, в характере его значения.

Своеобразие термина в том, что термин – это слово, которому искусственно, сознательно приписывается то или иное определение, связанное с научным понятием».

В.П. Даниленко [12, с. 15] и Т.Л. Канделаки [13, с. 7] сходятся в определении термина, согласно которому он является словом или словосочетанием (в определении Т.Л. Канделаки — «лексикализованным словосочетанием»), принадлежащим специальной сфере употребления и являющимся наименованием специального понятия, а также требующим дефиниции для установления своего значения в соответствующей системе понятий.

Анализируя все многообразие формулировок рассматриваемого понятия, онжом констатировать, что существуют, по крайней мере, две точки зрения относительно определения природы термина: субстанииональная функциональная. По мнению приверженцев субстанционального терминами подхода, являются особые слова и словосочетания, характерными обладающие признаками: моносемантичность, точность, системность, контекстуальная независимость и эмоциональная нейтральность и т.д. [2; 17].

Тем не менее, общеизвестно, что далеко не все удовлетворять ΜΟΓΥΤ совокупности данных признаков. По этой причине многие ученые-терминоведы критически относятся трактовкам термина, введенным сторонниками субстанционального подхода. Некоторые придерживаться склонны функционального подхода к сущности термина. Так, Г.О. Винокур дает следующее определение природе термина: «В роли термина может выступать любое слово... Термины – это не особые слова, а слова в особой функции» [8, с. 5]. Данной точки зрения также придерживаются К.Я. Авербух [1, с. 11] и С.В. Гринев-Гриневич [11, с. 24].

Достаточно емкое определение А.В. Суперанская и ее коллеги Н.В. Подольская и Н.В. Васильева, в соответствии с которым термин является специальным словом (или словосочетанием), принятым рамках В профессиональной деятельности употребляющимся в особых условиях; словесным обозначением понятия, входящего в общую систему понятий определенной области профессионального знания; основным понятийным элементом языка для специальных целей (LSP = Language for Special Purposes), требующим для адекватного понимания специальной дефиниции (точного научного определения) [24, с. 14]. На наш взгляд, данное определение наиболее точно отражает сущность понятия «термин» и дает возможность понять и его природу, и функциональность.

В случае с определением дефиниции нашего исследования понятия ключевого для «термин», нам видится правильным рассмотреть определения некоторых зарубежных ученых. В то время большинство отечественных как исследователей рассматривают термин как слово или словосочетание, британские и американские коллеги допускают возможность существования терминов в форме аббревиатур, отдельных букв и даже символов. Об этом свидетельствует, к примеру. следующее определение, Х. Фелбером: термин является лингвистическим символом, связанным с одним или же несколькими понятиями, которые, в свою очередь, определяются с помощью смежных понятий. Термин, таким образом, может быть представлен в качестве слова словосочетания, a также буквы графического символа, аббревиатуры, акронима, условного знака и т.п. [30, р. 168]. Схожей точки зрения придерживается Ю.А. Сорокин [23. с. 3], утверждая, что термином называется языковой выражающий специальное понятие отражающий то место, которое оно занимает в соответствующей системе понятий.

В связи с доминирующей в современной лингвистике антропоцентрической парадигмой, мы считает целесообразным рассмотреть понятие термина также с позиций когнитивистики, а именно - когнитивного терминоведения. В данном ключе заслуживает особого внимания точка зрения Е.И. Головановой [9. с. 58], по мнению которой термин является ничем иным, как вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингво-когнитивным средством ориентации в профессиональной сфере и наиболее элементом профессиональной важным коммуникации. Также стоит отметить, когнитивная составляющая пронизывает весь структурно-семантических комплекс характеристик терминологических единиц любой сферы деятельность и области знания, т.к. феномен мышления является унифицированным для каждого индивида, вне зависимости от рода его деятельности.

С.Д. Шелов в своей работе «Еще раз об определении понятия «термин» « для уточнения природы понятия «термин» подвергает анализу тридцать определений «термина», вследствие чего предлагает свою собственную дефиницию: термин является языковым знаком (который может быть представлен словом. словосочетанием, сочетанием слова или словосочетания с особыми символами и т.д.), выражающим понятие какой-либо определенной

области знания и, имеющим дефиницию (толкование, объяснение), на которую, в свою очередь, сознательно ориентируются те, кто пользуется этим языковым знаком [26, с. 796].

представленных Основываясь определениях понятия «термин», мы предлагаем формулировку собственную данного феномена с учетом мнения как отечественных, так и иностранных коллег: термин представляет собой особую языковую единииу. являюшуюся вербализованным результатом профессионального мышления, который может быть выражен в виде аббревиатуры, символа. слова словосочетания; данная языковая единица зачастую моносемична, обладает строгой дефиницией и ограниченна специальной сферой употребления.

Определившись с понятием «термин» и комплексным характером его дефиниции, считаем целесообразным конкретизировать систему координат данного исследования посредством уточнения формулировок понятий «терминология» и «терминосистема».

Термины определенной специальной сферы в своей совокупности образуют терминологию Термины характеризуются данной области. стихийностью И непоследовательностью формируются образования, a также соответствии с различными когнитивными и структурными моделями номинации. Термин является основным элементом терминосистемы. Рассмотрение терминологии позволяет отследить этапы развития соответствующей специальной сферы. Терминология часто рассматривается с диахронной точки зрения, так как в ней можно первичные термины, выделить историзмы и архаизмы, термины-неологизмы. Упорядоченная ПО каким-либо терминология образует терминологическую систему, или терминосистему.

Итак, мы приходим к сопоставлению понятий «терминология» и «терминоведение». В данном случае мнения ученых также разнятся, что абсолютно оправдано, т.к. рассматриваемые понятия напрямую связаны с феноменом термина, природа и дефиниционный статус которого, в свою очередь, тоже дуалистичны.

Существует точка зрения Р.Ю. Кобрина и Б.Н. Головина [10], относительно которой ни одна область знания и/или отрасль деятельности не может иметь случайного хаотичного скопления терминов, которые были бы системно не связанны и не организованны, т.к. все, что отображает и обслуживает определенная

терминология в мире — системно, как системен и сам мир. В соответствии с данным утверждением понятия «терминология» и «терминосистема» являются синонимичными и обозначают систему знаков определенной специальной области знания и/или сферы деятельности индивида, относительно изоморфную системе ее понятий, обслуживающую ее коммуникативные потребности

Однако мы склонны придерживаться мнения современном терминоведении что выделяются два схожих и смежных, но тем не менее самостоятельных и в значительной степени автономных вила терминологических функционирующих совокупностей, специальных подъязыках, - терминология и терминосистема. Первый феномен характеризуется стихийно сложившейся совокупностью терминологических единиц, второй же представляется как сознательно формируемая совокупность терминов [18].

Представленное различие рассматриваемыми понятиями проявляется значительном количестве аспектов, в том числе и в когнитивной составляющей. Логично, стихийное формирование терминологии ведет к не вполне адекватному отражению определенной специальной области знания, т.к. входящие в определенную терминологию термины могут не признаками системности обладать и иметь по мотивированности и неточные семантике единицы.

Так, «терминология как совокупность отраслевых терминов проходит длительный путь формирования и преобразования в терминосистему». Зачастую данный процесс совпадает с периодом формирования коррелирующей области знания. Из этого следует, что не все отраслевые терминологии трансформироваться постепенно терминосистемы как более высокоорганизованный элемент терминоведческой системы. Завершение этого процесса формирования терминологии и ее преобразования в терминосистему будет обозначать наступление периода относительной стабилизации системы, а также того факта, что подавляющее количество феноменов специальной сферы будет непротиворечиво номинироваться (описываться) данной совокупностью терминологических единиц [19].

Данная точка зрения подтверждается также работами Р.Ю. Кобрина и М.В. Антоновой, утверждающих, что, если терминология является реальным объектом, моделирующим реальную картину предметной области в динамике, то

терминосистема представляет собой всегда модель терминологии, ее формализованное описание. Терминосистема, в таком случае, может быть определена как когнитивная модель терминологии, или метамодель некой предметной области [15, с. 54].

По нашему мнению, **терминосистема** представляет собой своего рода синхронический срез терминологии, т.е. определенную совокупность терминов, упорядоченную в систему с учетом неких логических взаимосвязей, запечатленную в определенный промежуток времени.

Таким образом, руководствуясь четко очерченной системой координат нашего исследования, а также исходя из приведенных выше определений и мнений авторитетных отечественных и зарубежных ученых-лингвистов, равно как и наших определений понятий «термин» «терминосистема», обозначим основные лингвистически релевантные характеристики терминологических единиц:

- 1. Моносемичность. Данную характеристику также определяют как «содержательную точность» или «точность семантики термина». Термин в его идеальном варианте должен иметь только одно значение в отдельно взятом языке и определенной специальной области знания; он не является общедоступным, а используется специалистами, работающими в рамках специальной сферы, в рамках которой функционирует данный термин.
- Системная принадлежность. Данная характеристика напрямую связана с понятием терминосистемы И обозначает восприятие термина его непосредственных В взаимоотношениях другими специализированными терминологическими единицами, с которыми у него обнаруживается тесная взаимосвязь [ср.: 27].
- 3. Соотнесенность с определенным специальным понятием. Термины имеют строгую дефиницию, облегчающую восприятие и понимание термина, они могут обозначать конкретный предмет, явление, процесс или абстрактное понятие. Термин обоснованно трактуется как имя понятия.
- 4. Ограниченность сферы употребления. В рамках Нижегородской лингвистической школы данная характеристика также определяется как «тематическая специфичность употребления». Термин функционирует только в определенной профессиональной сфере, употребляется ограниченным кругом лиц специалистов данной области, занятых в рамках определенной специальной деятельности.

- 5. Конвенциональность и стилистическая нейтральность. Стилистическая маркированность терминологической единицы является нежелательной составляющей семантики, т.к. несет в себе аддитивные оттенки значения, которые могут исказить изначальный понятийный заряд термина. Тем не менее, случаи приобретения термином коннотативных оттенков, однако, данное явление основном имеет место В процессе детерминологизации термина и его употреблении в несвойственном ему контексте. В некоторых случаях приобретаемое термином значение может иметь маргинальный сленгизированный оттенок [см. подробнее: 3-6; 28; 29].
- Мотивированность. Под 6. данной характеристикой мы подразумеваем соотношение между семантикой термина и его внутренней формой, иными словами, имеется в виду определенная рациональная оправданность (с точки зрения логики) связи между содержанием и формой. В данном случае уместно также говорить применении понятия «ориентированность термина», под которым понимается «свойство термина, обусловленное лингвистическими, психическими И социальными факторами, дающее носителю языка возможность обращения К дефиниции ПО экспоненту определить закрепленное за термином понятие или место данной единицы в терминосистеме» [21, с. 209]. Частично к данной характеристике склонны прикреплять функцию МЫ непротиворечивости семантики термина.

Несмотря на то, что некоторые ученые относят к основным характеристикам термина номинативность, мы не склонны считать это оправданным, т.к. номинативная функция не является отличительной особенностью именно свойственна терминов, она существительным. Также факультативными характеристики, на наш взгляд, являются благозвучность, интернациональность современность терминологических единиц. Наличие данных параметров, безусловно, приветствуется в любой терминосистеме, однако, отсутствие данных характеристик не приводит к деструктуризации термина, и, следовательно, они не являются лингвистически релевантными.

Список литературы

- 1. Авербух К.Я. Общая теория термина. Иваново, 2004. 252 с.
- 2. Александровская Л.В. Семантика термина как члена общелитера-турной лексики (на материале английской морской терминологии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 230 с.

- 3. Багиян А.Ю. Детерминологизация английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2015. 28 с.
- 4. Багиян А.Ю. Детерминологизация как результат размытости границ между специальной и общеупотребительной лексикой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7-2 (37). С. 28-33.
- 5. Багиян А.Ю. Особенности процесса детерминологизации английской технической терминологии в научно- популярном дискурсе (квантитативный анализ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. С. 313-316.
- 6. Багиян А.Ю. Особенности процесса детерминологизации в научно-популярном дискурсе // European Social Science Journal. 2014. № 6-3 (45). С. 199-206.
- 7. Виноградов В.В. Терминология и норма. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
- 8. Винокур Г.О. Грамматические наблюдения в области технической терминологии // Труды МИИФЛИ. Т. 5. М., 1939. С. 3-54.
- 9. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.224 с.
- 10. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. шк., 1987. 104 с.
- 11. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 304 с.
- 12. Даниленко В.П. Русская терминология (Опыт лингвистического анализа). М.: Наука, 1977. 246 с.
- 13. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. 167 с.
- 14. Капанадзе Л.А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. С. 86-103.
- 15. Кобрин Р.Ю., Антонова М.В. Терминологические системы и их когнитивные модели // Очерки научно-технической лексикографии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. С. 47-66.
- 16. Кузьмин Н.П. К вопросу о сущности термина // Вестник ЛГУ. 1962. № 20. Вып. 4. С. 136-146.
- 17. Лотте Д.С. Основы построения научнотехнической и другой тер-минологии. Вопросы теории и методики. М., 1961. 160 с.
- 18. Михайленко Т.Д. Когнитивные аспекты в процессе формирования отраслевой терминосистемы (на примере подъязыка рекламы) // Научные труды Международной научно-практической конференции ученых. М.-Луганск, 2006. С. 49-58.
- 19. Михайленко Т.Д. Терминосистема как основной компонент отраслевого подъязыка // Вестник Российской таможенной академии. 2013. № 3. С. 105-110.
- 20. Петрова И.Л. О некоторых особых условиях функционирования терминов // Термины в языке и речи. Горький, 1987. С. 54-65.

- 21. Ребрушкина И.А., Арискина О.Л. О разграничении понятий мотивированности и ориентированности термина (на примере лингвистической терминологии) // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 208-213.
- 22. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. М., 1959. 253 с.
- 23. Сорокин Ю.А. Лакуны: еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи: сб. научн. тр. Благовещенск, 2003. С. 3-11.
- 24. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М., 1989. 246 с.
- 25. Хаютин А.Д. Термин, терминология, номенклатура: учебное пособие. Самарканд: СГУ, 1972. 130 с.
- 26. Шелов С.Д. Еще раз об определении понятия «термин» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 795-799.
- 27. Avanesyan N.K., Bagiyan A.Yu. Terminological units as a way of verbalization of the conceptual metaphor «mother» (based on the material of Russian and English) // Cognitive Studies of Language. 2016. Vol. 25. P. 363-369.
- 28. Bagiyan A.Y. The process of determinologization and its cognitive-stylistic relevance // Science and Technology. 2013. Vol. 1. P. 257-264.
- 29. Bagiyan A.Y. Cognitive and philosophical aspects of specific and common lexis correlation // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 5-6. C. 69-73.
 - 30. Felber H. Terminology manual. Paris, 1984. 426 p.

References

- 1. Averbukh K.Ya. General theory of the term. Ivanovo, 2004. 252 p.
- 2. Aleksandrovskaya L.V. Semantics of the term as a member of general literary lexis (on the material of English marine terminology): Synopsis of a thesis of PhD in Philology. Moscow, 1973. 230 p.
- 3. Bagiyan A.Yu. *Determinologization of English technical terminology in popular scientific discourse*: Synopsis of a thesis of PhD in Philology. Pyatigorsk, 2015. 28 p.
- 4. Bagiyan A.Yu. Determinologization as a result of border diffusion between special and general lexis. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2014. № 7-2 (37). Pp. 28-33.
- 5. Bagiyan A.Yu. Peculiarities of the process english technical terms determinalogization in popular scientific discourse (quantitative analysis). *Gumanitarnye*, *sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2014. № 8. Pp. 313-316.
- 6. Bagiyan A.Yu. Peculiarities of the determinologization process in popular scientific discourse. *European Social Science Journal*. 2014. № 6-3 (45). Pp. 199-206.
- 7. Vinogradov V.V. *Terminology and norm*. M.: Vysshaya shkola, 1972. 614 p.
- 8. Vinokur G.O. Grammatical observations in the field of technical terminology. *Trudy MIIFLI*. T. 5. Moscow, 1939. Pp. 3-54.

- 9. Golovanova E.I. *Introduction to cognitive terminology*: study guide. M.: FLINTA: Nauka, 2011. 224 p.
- 10. Golovin B.N., Kobrin R.Yu. *Linguistic basics of the science of terms*. M.: Vyssh. shk., 1987. 104 p.
- 11. Grinev-Grinevich S.V. *Science of terminology*: study guide. M.: Izd. tsentr «Akademiya», 2008. 304 p.
- 12. Danilenko V.P. Russian terminology (Linguistic description experience). M.: Nauka, 1977. 246 p.
- 13. Kandelaki T.L. Semantics and motivation of terms. M.: Nauka, 1977. 167 p.
- 14. Kapanadze L.A. Technical and general lexis correlation. *Razvitie leksiki sovremennogo russkogo yazyka*. M.: Nauka, 1965. Pp. 86-103.
- 15. Kobrin R.Yu., Antonova M.V. Terminological systems and their cognitive models. *Ocherki nauchnotekhnicheskoy leksikografii*. St. Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2002. Pp. 47-66.
- 16. Kuz'min N.P. On the essence of term. *Vestnik LGU*. 1962. № 20. Vol. 4. Pp. 136-146.
- 17. Lotte D.S. Foundations of scientific-technical and other terminologies construction. Aspects of theory and methodology. Moscow, 1961. 160 p.
- 18. Mikhaylenko T.D. Cognitive aspects in the process of field terminology formation (on the example of advertising terminology). *Nauchnye trudy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii uchenykh*. Moscow-Lugansk, 2006. Pp. 49-58.
- 19. Mikhaylenko T.D. Terminology as a basic component of field terminology. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. 2013. № 3. Pp. 105-110.
- 20. Petrova I.L. On some peculiar conditions of terms functioning. *Terminy v yazyke i rechi*. Gorky, 1987. Pp. 54-65.
- 21. Rebrushkina I.A., Ariskina O.L. On the diffusion of the notions of motivation and determination of term (on the basis of linguistic terminology). *Znanie. Ponimanie. Umenie.* 2012. № 2. Pp. 208-213.
- 22. Reformatskiy A.A. *What is term and terminology*. Moscow, 1959. 253 p.
- 23. Sorokin Yu.A. Lacunas: one more perspective. *Lakuny v yazyke i rechi: sb. nauchn. tr.* Blagoveshchensk, 2003. Pp. 3-11.

- 24. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. *General terminology. Theoretical aspects*. Moscow, 1989. 246 p.
- 25. Khayutin A.D. *Term, terminology, nomenclature*: study guide. Samarkand: SGU, 1972. 130 p.
- 26. Shelov S.D. One more time on the «term» definition. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2010. № 4 (2). Pp. 795-799.
- 27. Avanesyan N.K., Bagiyan A.Yu. Terminological units as a way of verbalization of the conceptual metaphor «mother» (based on the material of Russian and English) // Cognitive Studies of Language. 2016. Vol. 25. Pp. 363-369.
- 28. Bagiyan A.Y. The process of determinologization and its cognitive-stylistic relevance. *Science and Technology*. 2013. Vol. 1. Pp. 257-264.
- 29. Bagiyan A.Y. Cognitive and philosophical aspects of specific and common lexis correlation // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 5-6. Pp. 69-73.
 - 30. Felber H. Terminology manual. Paris, 1984. 426 p.

Шлейвис Повилас Ионович

профессор кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения Института международного сервиса, туризма и иностранных языков, доктор филологических наук, профессор.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»,

пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, 357532, Россия. *alexander.0506@mail.ru*

Shleyvis Povilas Ionovich

Professor at The Chair of Theoretical Linguistics and Practice of Cross-cultural Communication, The Institute of International Service, Tourism and Foreign Languages, Doctor of Philology, Professor.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»,

9 Kalinin Ave., Pyatigorsk, 357532, Russia *alexander.0506@mail.ru*

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

УДК 81'42 DOI: 10.18413/2313-8912-2016-4-4-28-31

Dr. Sana' Mahmoud Jarrar | POETRY TRANSLATION: ARTISTIC AND CULTURAL PROBLEMS

Department of the English Language, Faculty of Educational Sciences and Arts/UNRWA P. O. Box: 541216. Postal Code: Abu-Nsair. 11937

Abstract. This paper investigates how could an artistic, cultural, and evasive piece of language like a poem be translated accurately. This paper addresses the intrinsic difficulties of translating poetry from different languages, cultures, and eras. Poetry sparked a dilemma on the practicability of its translation. Whereas some people consider it as a venerable entity, others venture to crush its fortifications! Translation of metaphor has been considered as a prominent problem of poetry translation. This problem stems from the fact that metaphors are affiliated with indirection, which in turn contributes to the difficulty of translation. The possible question arising now is how far can a translator modify the author's metaphorical expressions? It is natural that different languages encompass different cultures behind them. Based on the background of cultural heterogeneity, translators' credence, expertise, and position differ to reflect in the influence of their translated works. Their diverse cultures will affect the text choice and the translation function. This paper shows that if they are prejudiced towards the source culture, their output will be rich in foreign expressions, but if they are prejudiced towards the target culture, the output will be given a local flavor.

Key words: poetry, translation, metaphor, culture, target language.

Introduction

Poetry is one of those subjects that often gets discharged as capricious and trivial. However, poetry is an illuminative tool, and it is a significant art to scrutinize at any epoch. Poetry, to begin with, aims to convey the emotions and match the feelings of listeners or readers. Poetry evokes our deep being. It encourages us to vamoose the shielded strategies of the vigilant mind. It is a miraculous art, and always has been -- a making of language magic composed to push us into new lanes and an amplified world. In fact, the translation of poetry needs something more than translating literary works belonging to other genres. Translating metaphors is baffling and somehow detached from literal language. opponents of poetic translation, such as Widdowson (1975) in his book Stylistics and the Teaching of Literature assumed that the translation of poetry is extremely difficult because of «the patterning of sound and sense into a single meaning» [p.65]. The translation of poetry is as challenging as it is creative. The factors that influence translation are not only language, but also transmission of cultural beliefs between different countries. Culture plays an important role in translation practice. The primary goal of translation is to recreate the effect of the original poem in the target language (TL) or the

language into which you are translating, and that is very difficult. This is why Umberto Eco (2003) called translation «the art of failure» [p.54]. In short, regarding the problems arising in the course of poetry translation, a literary translator tends to face aesthetic and cultural problems.

Main Text

It is hard to translate metaphors into another language without causing a fair amount of turbulence. Metaphor, the device of language in which a comparison is made between two seemingly extraneous subjects, is a peculiar characteristic of human interaction: «our speech is so riddled with metaphors that we can hardly say a sentence without one» [Matthews, 1979, p. 31]. Metaphors are prevailing in all social activities; in addition to literature, they are used in journalism, politics, law, philosophy, advertisements, and even science and technology. Furthermore, their use is not restrained to the sphere of language but also expands to that of thought and action: «our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature» [Lakoff & Johnson, 1980, p. 3].

Rather than being mere accessories of speech, metaphors are regarded as important devices of expression that are used whenever we have strong

emotions to enunciate. Metaphor has also been extensively examined in the arena of translation, where it has been given more or less the same definition. For example, Peter Newmark (1988) defines metaphor as «the application of a word or collocation to what it does not literally denote» (p.104). The subject, however, has proved to be a strenuous one. Many Researches have argued that the source language (SL) image cannot always be maintained in the target language (TL). Diagnosing this trouble, Menachem Dagut (1976) says:

Since a metaphor in the SL is, by definition, a new piece of performance, a semantic novelty, it can clearly have no existing 'equivalence' in the TL: what is unique can have no counterpart. Here the translator's bilingual competence ... is of help to him only in the negative sense of telling him that any equivalence cannot be 'found' but will have to be created. [qtd in Bassnett, 1980, p. 24]

This metaphor-belligerent belief stems from Newmark's (1988) A Textbook of Translation. It demonstrates certain irritability with metaphorical language, which one might say is typical of English translation textbooks. He says that while the «central problem of translation is the overall choice of a translation method for a text, the strategy, when once decided upon, informs all the hundreds of smaller decisions necessary to the creation of the new text[Newmark, 1988, p. 104]. For him, it is the translation of metaphor that is «the most important particular problem» [Newmark, 1988, p. 104]. Whether stock or original, metaphor «always involves illusion ... [it is] a kind of deception, often used to conceal an intention» [Newmark, 1988, p. 105].

Newmark (1988) recommends seven strategies to translate metaphors in general. The first strategy is replicating the same image in the TL if the image has similar prevalence in the target language. This strategy is frequently used for one-word metaphor, e.g. ray of hope. The second strategy is substituting images in the SL with typical TL images within the restraints of TL cultures. The next strategy is translating a metaphor by a simile, maintaining the image in the SL. This strategy can be used to alter any kind of metaphor. And the remainder of the strategies such as, translating metaphor into simile plus sense, communing metaphor into sense, omitting insignificant metaphor, and translating metaphor with some metaphors combined with sense, are not regarded suitable for poetry translation [pp. 88-91]. Condemning the previous view, Snell-Hornby (1988-1995) argues that «the translation of metaphor cannot

be decided by a set of abstract rules, but must depend on the structure and function of the particular metaphor within the context concerned» [p. 58].

The account about metaphor – which it is a relationship of affinity and a resemblance between two things – is often misconceived to reveal that the central objective of a metaphorical expression is to demonstrate precedent similarities between the segments of that expression. Nevertheless, this is not what always happens as «metaphor can be used to serve other purposes» [Ali, 1998, p. 78]. Some writers go even so far as to deny that metaphors are comparisons, and that they simply record precedent similarities. There are situations, it is argued, where metaphors engender similarities rather than register preexistent similarities [Kittay, 1987, p. 17]. A proof for this argument can be found in the translation of the following lines from a poem entitled «Rain Song»:

عيناكِ غابتا نخيلِ ساعةَ السحر أو شرفتان راحَ ينأى عنهُما القمر عيناكِ حين تبسمانِ تُورقُ الكروم وترقصُ الأضواءُ. كالأقمارِ في نهر يرجُّهُ المجذافُ وَ هُناً ساعةَ السحر كأنما تنبُضُ في غوريهما النجوم

[Al -Sayyaab, 1971, P. 474].

Your eyes are two palm tree forests in early light, Or two balconies from which the moonlight recedes

When they smile, your eyes, the vines put forth their leaves.

And lights dance like moons in a river Rippled by the blade of an oar at break of day; As if stars were throbbing in the depths of them «[Jayyusi, 1987, p. 427].

Clearly, there seems to be no place here for the conventional view that metaphor is constructed between two dissimilar things that actually have something in common. In the previous metaphor, it would be futile to look for plain affinity between the object, «eyes» and the image, «two palm tree forests» «[line 1] and «two balconies»[line 2].

When translation is implemented, not only artistic aspects are involved, but cultural scope is very much momentous. Language and culture are in bilaterally influential affiliation. In fact, translation is the transference between two cultures that may be akin on one hand and different on another. Translatability, as an overlapping characteristic of language, demands that «what has been said or written in one language can be said or written in another» [Lyons, 1981, p.305]. However, language is not a vocal or written procedure that is practiced in isolation from cultural and environmental factors.

For example, when translating Shakespeare's sonnet «Shall I compare thee to a summer's day?» into Arabic, the translator endeavors to evade the comparison to a summer's day by substituting it with «summer purlieu». For English readers, a summer's day represents pleasant weather and the termination of a chilly season. For the Arabic reader, the tale is totally the opposite. Images of the warmest and hardest days of the year are associated with the summer. Consequently, maintaining the same image does not deliver the same feeling to the target audience. To overcome this cultural disparity, the translator has utilized «summer purlieu» to deliver the same emotions of the source text because summer resorts in Arabic culture have a sense of the charm of nature, mild breezes and nice weather. Therefore, the duty of a translator of poetry is not confined to delivering the meanings of words and connecting the reader to the same thing the SL poet alludes to, it also involves delivering the signification and generating the same influence as the SL.

No one can deny that the cultural scope is important during translation because the translator is affected by his/her own cultural ideology. Basil Hatim and Ian Mayson (1997) define ideology as «the tacit assumptions, beliefs and value systems which are shared collectively by social groups» [p. 144]. Translator visibility differs according to the «the extent to which translators intervene in the transfer process, feeding their own knowledge and beliefs into their processing of a text» [Hatim & Mayson, 1997, p.147]. The influence of the translators' intervention starts with the selection of the text. Text selection will rely on two elements: how they view the source culture, and the influence they want to create by this selection. For example, The Rubaiyat of Omar Al- Khayyam was selected by Edward Fitzgerald to demonstrate his discernment of how defective the Persian poetic tradition was. The Rubaiyat of Omar Khayyam is among the few literary canons that has been translated into most languages. The most eminent translation of the Rubaiyat from Farsi into English was performed in 1859 by Fitzgerald. According to Farzaneh Farahzad (2006), it is hard to track and match the original Rubaiyat to the translated version. The eastern literature translated into western languages has somewhat been molded differently. It might be done deliberately or accidentally. In any case, the images of eastern noble literature depicted in the western's mind are somewhat divergent from reality. They know Khayyam as they like to be not as he is really. The Western world's knowledge of Omar is restricted to liquor, females and song. This is different from Omar's real character that was and still can be an epitome for a vigorous, joyous and reasonable

lifestyle [pp. 44-52]. The mission of translation in this arena is significant. Fitzgerald published his translation of the *Rubaiyat of Omar Khayyam* in 1859. The title *Rubaiyat* is simply the plural of *ruba'i*, a 4-line verse. The verses were originally composed in Persian and were publicly attributed to Omar Khayyam (1048-1131). Rather than being a strict translation, Fitzgerald's rendition demonstrates his own concerns and portrays a day in the life of a poet. Saeedpoor (2001) state: «Many of his quatrains do not correspond with anyone of the Rubai's and cannot be identified with it» [qtd in Asadi Kangarloo, 2003–2008, par.9]. So, the translator's ideology is behind the creation of a TL that demanded many characteristics of the SL.

Over the last two decades or so, many translators have emphasized that translation should entail sabotage of cultural customs, especially those stemming from the so-called third world. This is more ideologically is related to post-colonial agendas. Susan Bassnett (1998) appropriately believes that such a translation enterprise always prefers the target readers so much so that the source text, its culture and readers become trifling. It is noticed in the history of relations between East and West. Bassnett (1998) writes:

This tendency in English began to develop in the nineteenth century and accelerated with the translation of texts from non-European languages, from literatures that, as Edward Fitzgerald remarked in his infamous comment on the liberties he had allowed himself to take with his version of the *Rubaiyat of Omar Khayam*, 'really need a little art to shape them'. Currently, reaction in the post-colonial world to the colonizing impact of translation is so strongly felt that there are those who argue that western cultures, particularly English speaking ones, should NOT translate other literatures at all. [p.78]

It is true that a speaker of one language can obtain any language, but the command of language cannot be attained without being penetrated into the culture of the second language. All translators are bilingualists but their linguistic abilities vary from their first to their second language. Not only do their linguistic abilities vary between the two languages, but also their level of cultural familiarity. For example, if bilingualists, or more particularly translators, are capable to talk about the same thing using two various languages, there will be no translation complexities However, translators are more adept when translating into their maternal language because they are «responsible for the integrity of both the cultures to which they belong and the texts they translate» [Lefevere, 1992, p.5]. Taking this notion into account, it is urged to

translate into the maternal language rather than into the second language because translators are accustomed to their original culture, which have an influence on the receiving the translation in the target culture. Consequently, the cultural scope is important during translation because the translator is affected by his/her own culture.

Conclusion

In conclusion, poetry translation is a difficult task. Poetry translation is a subdivision of translation that has a very important position in literary translation. Aside from the regular translation rules which poetry translation should abide by, some other observations shall be taken into account when translating poetry. Poems are of some various characteristics from other literary genres, which consequently demand additional attentiveness in translation. From time to time, poets confuse the readers with the most offbeat structures, difficult collocations and sometimes even dare to deviate from syntax to achieve their planned purposes. Metaphor is one of the poetic devices that contribute to much experimentation. The mission becomes harder if there is a linguistic and cultural gap between the Source Language (SL) and the Target Language (TL). Despite the strenuous task involved in poetry translation, it is not an art destined to downfall. According to Craig Raine (1994), «Translation, like politics, is the art of the possible - with all the inevitable compromise implicit in that parallel with politics» [par.1].

References

- 1. Al-Sayyaab, B.S. *Diiwaan Badr Shakir Al-Sayyaab*. Beirut: Daar al-Awdah, 1971.
- 2. Ali, A. «A Study of Metaphor and Simile with Reference to Translation». *Adaab Al- Mustansiriyya*, 31(1998): pp.182-192.
- 3. Asadi Kangarloo, M. «Sense Transferring Through PoetryTranslation». *Translation Directory* (2008). 4 April, 2008 http://www.translationdirectory.com/article493.htm
- 4. Bassnett, S. *Translation Studies*. London and New York: Methuen, 1980

- 5. Bassnett, S. «Translating Across Cultures.» In S. Hunston (Ed.), *Language at Work*. Clevedon: Multilingual Matters, 1998.pp. 72-85
- 6. Dagut, M.B. «Can Metaphor Be Translated?» *Babel* 22.1(1976): pp. 21-33.
- 7. Eco, U. *Mouse or Rat: Translation as Negotiation*. London: Phoenix/Orion Books, 2003.
- 8. Farahzad, F. «Strategies of Appropriation: Khayyam and Rumi.» *Translation Studies* 4.15 (2006): pp. 44-52.
- 9. Jayyusi, S.K. (Ed.). *Modern Arabic poetry: An anthology*. New York: Columbia University Press, 1987.
- 10. Hatim, B. and Mayson, I. *The Translator as Communicator*. London: Routledge, 1997.
- 11. Kittay, E.F. *Metaphor: Its Cognitive Force and Linguistic Structure*. Oxford: Clarendon Press, 1987.
- 12. Lakoff, G., & M. Johnson. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- 13. Lefevere, A. *Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame.* London and New York: Routledge, 1992.
- 14. Lyons, J. Language and Linguistics: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- 15. Matthews, C.M. Words. London: Lutterworth Press, 1979.
- 16. Newmark, P. *A Textbook of Translation*. London: Prentice Hall, 1988.
- 17. Raine, Craig. «Bad Language: Poetry, Swearing and Translation». *Thumbscrew* 1(1994). 2 Sep. 1994 http://www.poetrymagazines.org.uk/magazine/record.asp?i d=5254.
- 18. Richards, I.A. *The Philosophy of Rhetoric*. London: Oxford University Press, 1936.
- 19. Snell-Hornby, M. *Translation Studies: An Integrated Approach*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1988-1995.
- 20. Wardhaugh, R. An Introduction to Sociolinguistics. Cambridge: Blackwell Publishing, 1986.
- 21. Widdowson, H. G. *Stylistics and the Teaching of Literature*. London: Longman, 1975.
- 22. Venuti, L. (1995). *The Translator's Invisibility*. London: Routledge, 1995.

Dr. Sana' Mahmoud Jarrar

Department of the English Language Faculty of Educational Sciences and Arts/UNRWA P. O. Box: 541216

Postal Code: Abu-Nsair, 11937

РАЗДЕЛ III. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ SECTION III. GERMANIC LANGUAGE

УДК 81'37 DOI: 10.18413/2313-8912-2016-4-4-32-36

Абдулкадыров М. М.

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ КОМПАНИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», 357532, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9, abdulkadyrov_mm@rambler.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается виртуальный дискурс, актуальность изучения корпоративных сайтов как его жанра, а также особенности самопрезентации компании в виртуальном пространстве; выявляются приемы и тактики, используемые для эффективной самопрезентации корпорации. В работе приводится обзор работ отечественных и зарубежных лингвистов по виртуальному дискурсу, стратегиям, реализуемым на официальных сайтах корпораций для повышения их эффективности. Для анализа применялись методы дефиниционного анализа и дискурс-анализ.

Ключевые слова: виртуальный дискурс, официальный сайт корпорации, самопрезентация компании, коммуникативная стратегия.

Abdulkadyrov M.M. SELF-PRESENTATION OF A COMPANY IN THE VIRTUAL SPACE

Pyatigorsk State University, 9 Kalinin Ave., Pyatigorsk, Stavropol Krai, 357532, Russia, abdulkadyrov_mm@rambler.ru

Abstract. This article explores the virtual discourse, the relevance of studying corporate sites as its genre, and also features the company self-presentation in the virtual space; it also identifies methods and tactics used to raise the effectiveness of company self-presentation. The paper provides an overview of the work of linguists on the virtual discourse strategies implemented on the official websites of corporations to improve their efficiency.

Key words: virtual discourse, the official website of the corporation, company self-presentation, communication strategy.

Ввиду стремительного укоренения и особой информационно-компьютерных значимости технологий в повседневной жизни все большую актуальность в системе гуманитарных знаний приобретает изучение особенностей виртуального дискурса, функционирующего особом виртуальном коммуникативном пространстве. Проблемы существования и специфических характеристик виртуального дискурса десятилетий несколько изучаются исследователями-лингвистами (Л.М. Гриценко, Л.Ю. Иванов, О.В. Лутовинова, О.Ю. Никифоров, Е.В. Парахневич, Н.В. Черкасова, D. Crystal, S. Herring и др.) как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике.

В английском языке слово «виртуальный» является полисемантическим словом, имеющим разные смысловые оттенки и различные сферы употребления. Согласно словарю Collins English Dictionary [11], у слова virtual зафиксировано шесть значений:

- 1) having the essence or effect but not the appearance or form of ⇒ a virtual revolution (обладающий сущностью или оказывающий воздействие, но не имеющий внешнего проявления формы выражения ИЛИ виртуальная революция) (прим. - здесь и далее перевод автора);
- 2) (physics) being, relating to, or involving a virtual image \Rightarrow a virtual focus (в физике являющийся виртуальным образом, относящийся к нему или включающий его \Rightarrow виртуальный фокус);
- 3) (computing) of or relating to virtual storage \Rightarrow virtual memory (*комп*. относящийся к виртуальному накопителю или связанный с ним \Rightarrow виртуальная память);
- 4) of or relating to a computer technique by which a person, wearing a headset or mask, has the experience of being in an environment created by the computer, and of interacting with and causing changes in it (относящийся к компьютерной технике, с помощью которой человек, надев

гарнитуру или маску, пребывает в среде, созданной с помощью компьютера, взаимодействует с ней и вызывает изменения, или связанный с подобной техникой);

- 5) (rare) capable of producing an effect through inherent power or virtue (*peдко* способный вызывать эффект посредством присущей силы или характеристики);
- 6) (physics) designating or relating to a particle exchanged between other particles that are interacting by a field of force \Rightarrow a virtual photon (ϵ физике обозначающий частицу обмена других частиц, которые взаимодействуют с помощью силового поля, или относящийся к ним \Rightarrow виртуальный фотон).

Следует подчеркнуть, что ни в научном, ни в обыденном знании понятие «виртуальность» на сегодняшний день не имеет однозначного определения. Это обусловлено двумя наиболее значимыми факторами. Во-первых, понятие «виртуальность» относительно новое, распространяется параллельно повсеместному внедрению информационно-компьютерных технологий. Во-вторых, созданная информационно-компьютерными технологиями сфера перестает быть пространством абстрагирования, куда можно погрузиться на короткий период времени, а затем вернуться к делам реального мира, поскольку оно прочно входит в повседневную жизнь и становится её неотъемлемой частью.

Что касается научного дискурса, здесь понятие «виртуальность» часто понимается несколько иначе: виртуальность рассматривается в качестве оппозиции к реальности и как продолжение реальности, и как непосредственный результат информационных технологий.

- В рамках современных исследований гуманитарных и социальных наук термин «виртуальный» употребляется, как правило, в двух значениях:
- 1) использование, обусловленное этимологией и введенное в предкомпьютерную эру, так, в частности, «виртуальное слово» слово, взятое вне контекста, то есть как единица словаря; или «виртуальная пауза» место в предложении, где возможна пауза [4, 8];
- 2) использование, обусловленное с новым виртуальности как результата значением распространения информационно-компьютерных организация» технологий: «виртуальная «новейшая и потенциально более важная форма бизнес-организаций из тех, что появились в течение последних десятилетий. Новая модель стала возможной результате развития

наисовременнейших технологий, самой значимой из которых является Интернет...» [8, 12].

Таким образом, можно сделать вывод о том, ученых-лингвистов понимают виртуальный дискурс несколько уже, чем дискурс электронный, или компьютерный. Когда речь идет о компьютерном дискурсе, подразумевается, не только общение между двумя или несколькими коммуникантами посредством сети Интернет, но и взаимодействие человека с компьютером. Некоторые исследователи считают это основным дифференцирующим фактором компьютерной коммуникации и всех предшествующих типов коммуникации. социальной В частности, отмечается, что основной отличительной характеристикой информационно-компьютерной эпохи является не опосредованность монитором, данное свойство принадлежало кинематографу, а возможность взаимодействия человека-коммуниканта непосредственно техническим устройством. Однако, с другой виртуальный стороны, дискурс онжом интерпретировать И шире, чем дискурс электронный, поскольку на сегодняшний день Интернет не единственный, доминирующий, способ общения в виртуальном пространстве, к другим средствам и каналам связи, способным воссоздать эту реальность, можно отнести, например, мобильный телефон с услугой обмена смс-сообщениями.

Не может вызывать сомнений утверждение о что виртуальное пространство TOM. сегодняшний день представляет собой весьма надёжную прибыльную маркетинговую платформу, и совершенно не удивляет тот факт, что число компаний, создающих качественные корпоративные сайты, неукоснительно растет. Однако в условиях все более ожесточенной конкурентной борьбы за внимание адресата повышаются и требования к корпоративному сайту, а официальная страница всемирноизвестной организации, должна выделяться из огромного количества ей подобных не только уникальностью предлагаемого материала, но и формой подачи. Официальный его корпорации (ОСК), предлагающий адресатам специально созданный текст, должен быть доступным через наиболее распространенные обладать поисковые системы, эксклюзивным дизайном, обеспечивать адресатов всей необходимой информацией о предлагаемой продукции услугах, иметь И тшательно продуманную навигацию, интуитивно понятную адресатам базовыми навыками даже пользования компьютером и Интернетом.

Безусловно, виртуальное пространство сегодня является одной из неотъемлемых характеристик современной коммуникативного взаимодействия, и коммуникация делового сообщества не является исключением. Интернет не только и не столько представляет собой дополнительную площадку ведения основной организации, деятельности сколько совершенствует ее, расширяя маркетинговые возможности корпорации [5; 9].

Мы вслед за Потеряхиной И.Н. считаем, что ОСК является полноценным представительством компании во всемирной сети; эффективным инструментом создания имиджа компании, который должен запомниться адресатам уникальным интерфейсом с неповторимым дизайном, удобной навигацией и легкостью в управлении. Профессионально сделанная корпоративная страница организации становится мощным инструментом продвижения продукции и услуг, предлагаемых компанией, привлечения потенциальных спонсоров и поиска новых бизнес-партнеров [6].

Основной целью сайта организации является. прежде всего, увеличение прибыли компании через создание благоприятного внутреннего и внешнего имиджа компании, привлечение спонсоров партнеров, а, следовательно, расширение объемов и географии продаж. Для организацией достижения ЭТИХ целей страницах своего официального сайта различные применяются коммуникативные стратегии, приемы и тактики.

Вариативность значений понятия «коммуникативная стратегия» обусловлена разнообразием подходов к его изучению. Под «коммуникативной стратегией» ученыелингвисты понимают определенную когнитивную структуру общения, иерархическую систему компонентов. Так, А.П. Сковородников под коммуникативной стратегией понимает направление речевого поведения коммуникантов, выражающееся виде выбора В последовательности продуманных адресантом речевых действий; «линию речевого поведения, принятую на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленную на достижение конечной коммуникативной цели» ходе коммуникативного взаимодействия [7, Близкие выражает O.C. Иссерс, идеи подчеркивающая в своих исследованиях, что стратегия представляет собой «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего [3, 124], в частности, «в условиях недостатка информации о действиях партнера», приобретает особую актуальность

исследовании виртуального пространства. Борисовой коммуникативная стратегия И.Н. рассматривается качестве «результата организации речевого поведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией» [1, 24] и предполагает тщательный отбор как содержания, так и формы, то есть определенную подачу информации и выбор наиболее подходящих языковых средств. Ученые что любые речевые мнении, сходятся достижения стратегии создаются ДЛЯ определенной цели в результате коммуникации, стратегии системны и реализуются посредством выбора тех или иных речевых тактик.. Так, исследуя речевую деятельность например, наделенного управляющего, властными полномочиями, Дрыгина Ю.А. выделяет несколько стратегий на этапе целеполагания и свойственных им языковых приемов убеждение, принуждение управляемого выполнению определенных действий, усиление, приведение примера и повтор. Не вызывает что сомнений, целенаправленная стратегий и реализующие её тактики являются основой стратегического планирования речи для участников речевого взаимодействия в рамках официального сайта компании.

К одной из важных стратегий, которые реализуются на сайте компании, относится стратегия самопрезентации, под которой принято понимать создание благоприятного имиджа, изменение бренда (как компании, производимого ею товара), либо его составляющих ИЛИ поддержание репутации организации, формирование положительного эмоционального настроя адресата, побуждающего сотрудничеству, формирование доверительных отношений между партнерами. Ширяева Т.А. и Триус Л.И. определяют самопрезентацию как коммуникативное намерение адресанта в рамках институционального дискурса, направленное на эффективное и успешное представление человеком самого себя в соответствии с конкретной коммуникативной установкой [10, 105].

Создание имиджа компании, безусловно, напелено на формирование положительного образа лояльности компании и базируется на утверждении уважительного отношения акцентированием сотрудникам заметным подбора персонала, тщательности представлено в следующем примере: «GM - where the brightest minds come together to build exceptional automobiles and to strive towards being the best in technology, safety, and innovation... Share your talent, your passion and your determination, and become part of a revolution that's designing, building and selling the world's best vehicles. Bringing

together people from different backgrounds gives every team a unique perspective». Как видим, в тексте наряду с ценностями и целями компании, создается образ ee сотрудников, перечисление присущих им качеств – «the brightest minds», «your talent», «your passion» and determination» – организация ценит талантливых, увлеченных работников. Кроме того подчеркивается уникальные перспективы объединения усилий и талантов совершенно разных по уровню и происхождению («from different backgrounds») сотрудников компании в различных аспектах ведения бизнеса.

В результате успешной самопрезентации компании в рамках официального сайта внимание адресата концентрируется на представленных достоинствах и достижениях организации: «Аt GM, we are driven by passion, curiosity and imagination. Come inside and find endless possibilities, as we redesign the world the way we see it. Our sustainability efforts have positioned us as leaders in the areas of voluntary carbon reductions, clean energy patents, energy efficient manufacturing and solar technology». примерах подчеркивается указанных ответственность, международный уровень компании и использование качественных материалов. Перечисленные безопасных характеристики, обусловливают неоспоримый и качественный международный уровень компании. Однако, стоит отметить, что в данном фрагменте текста нет объективных фактических данных, подтверждающих лидирующие позиции компании, для того, чтобы найти подтверждение этим данным, адресату следует перейти в другой раздел сайта.

Применение тактики самопрезентации в корпоративного сайта, организации способно акцентировать различные аспекты профессиональной деятельности организации, например таких, как надежность и испытанность временем ИЛИ активную вовлеченность деятельность делового сообщества, тем самым улучшить имидж корпорации в глазах посетителя сайта. «General Motors has played a pivotal role in the global auto industry for more than 100 years. General Motors is proud of our rich and innovative past. It's a spirit that continues to push us to this day». Так, в данном при примере подчеркиваются лидирующая позиция организации и особый корпоративный дух, позволяющий двигаться вперед в деловом мире, указан довольно протяженный период времени («more than 100 years»), течение которого компания того, подчеркивается функционирует, кроме способность сочетать зарекомендовавшие себя приемы с современными новаторскими идеями.

Как уже было указано, одним из важных аспектов, которые компания стремится подчеркнуть

в самопрезентации, — это история предприятия, как например: «General Motors has played a pivotal role in the global auto industry for more than 100 years. From the first Buick horseless carriages to technological marvels like the Chevrolet Volt». Богатая история компании предполагает солидность и испытанность временем. В данном примере история представлена не только внушительным возрастом корпорации, но демонстрацией развития и совершенствования производимых товаров. На сайте General Motors данный текст сопровождается соответствующим фотоматериалом.

Кроме того, ДЛЯ самопрезентации корпорации тэжом применяться тактика апелляции авторитету, предоставляющая К возможность подтвердить те или иные аспекты профессиональной деятельности мнением третьих лиц: «Throughout history, the Cadillac brand has played a significant role in escorting our presidents safely and stylishly. Take this photographic stroll through the decades and check out how our presidents chose to ride in style...in Cadillacs. President Taft to President Obama», « Secretary of State John Kerry and senior Obama Administration officials hosted General Motors ... to launch the American Business Act on Climate Pledge at the White House» Как видим, General компания Motors В производимых автомобилей несколько подчеркивает, что в разные эпохи их выбирали даже президенты, а при описании своей политики по отношению к окружающей среде ссылается на известных политических деятелей, а также на государственной документы важности. Реализация данной тактики на официальном сайте рассчитана на то, что у адресата не останется сомнений В истинности предоставляемой информации и в качестве производимых автомобилей после ссылки на столь авторитетные источники.

Еще одной тактикой, часто используемой в текстах ОСК, как было выявлено в ходе проведенного исследования, является тактика преувеличения/приуменьшения свойства или аспекта деятельности корпорации, позволяющая в рамках самопрезентации компании завуалировано преувеличить достижения компании. Авторы текстов ОСК рассчитывают на достраивание различных аспектов деятельности компании («more means»), которые не упоминаются в тексте прямо: «Being made for more means always pressing onward».

«The automotive industry is quickly evolving and we're determined to be at the forefront of change, leveraging our creativity to define the new era of mobility» Выражение «we're determined to be» подчеркивает, что компания только намерена стать

во главе указанного развития, однако не указано что уже многое достигнуто в данном направлении.

Всемирно-известные организации, осуществляющие свою деятельность совершенно разных сферах, в одинаковой степени заинтересованы в улучшении своего внутреннего и внешнего имиджа, увеличении числа клиентов инвесторов и партнеров, спонсоров, увеличении доходности бизнеса. Этот фактор заставляет авторов ОСК намерено использовать наиболее продуктивные языковые приемы и тактики для достижения своих целей, вне зависимости от того, насколько тексты ОСК объективное состояние описывают дел Тщательный лингвистический организации. анализ, несомненно, может способствовать выявлению недостатков самопрезентации корпорации на официальном сайте с целью ее дальнейшего совершенствования.

Список литературы

- 1. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1996. С. 21-48.
- 2. Дрыгина Ю.А. Анализ базового компонента дискурса управленца и языковых особенностей его реализации // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики URL: http://research-result.ru/journal/linguistics/annotation/688/
- 3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд., стер. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2003.
- 4. Патаракин Е.Д. Сетевые сообщества и обучение. М.: «ПЕР СЭ». 2006 г. С. 8.
- 5. Потеряхина И.Н. Коммуникативные стратегии корпоративных сайтов сквозь призму лингвоэкологичности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3-1 (45). С. 168-171.
- 6. Потеряхина И. Н. Лингвоэкологические характеристики англоязычной виртуальной корпоративной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2015. 187 с.
- 7. Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика Лингвистика: сборник статей. Смо- ленск: СГПУ, 2004. Вып. 5. С. 5-12.
- 8. Уорнер М., Витцель М. Виртуальные организации. Новая форма ведения бизнеса в XXI веке. М.: Добрая книга. 2005. 296 с.
- 9. Ширяева Т.А., Денисламова Д.М. Миссия организации как объект лингвистического изучения (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7-2 (37).С.211-214.
- 10. Ширяева Т.А., Триус Л.И. Языковая реализация стратегии самопрезентации в британском

парламентском дискурсе дебатов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. \mathbb{N} 2. С. 103-107.

11. Collins English Dictionary [Electronic Resource]. – Mode of Access: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/virtual

References

- 1. Borisova I. N. Discourse strategies in spoken dialogue. *Russkaja razgovornaja rech' kak javlenie gorodskoj kul'tury*. Ekaterinburg: Ural. gos. un-t im. A. M. Gor'kogo, 1996. Pp. 21-48.
- 2. Drygina Ju.A. The analysis of a basic component of management discourse and language peculiarities of its representation. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki* URL: http://researchresult.ru/journal/linguistics/annotation/688/ (date of access: October 19, 2016).
- 3. Issers O. S. Communicative strategy and tactics of the Russian speech. 3-e izd., ster. Moscow: URSS: Editorial URSS, 2003.
- 4. Patarakin E.D. Network and community training. Moscow: «PER SJe». 2006 g. P. 8.
- 5. Poteryahina I.N. Communicative strategies of corporate websites in the light of linguo-ecological compatibility. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2015. № 3-1 (45). Pp. 168-171.
- 6. Poteryahina I. N. Lingvoecological characteristics of the English virtual corporate communication: dis. ... kand. filol. nauk. Pyatigorsk, 2015. 187 p.
- 7. Skovorodnikov A. P. About the need to separate the concepts of «rhetorical device», «stylistic figure», «speech tactics,» «speech genre» in the practice of terminological lexicography. *Ritorika Lingvistika: sbornik statej.* Smolensk: SGPU, 2004. Vol. 5. Pp. 5-12.
- 8. Uorner M., Vitcel' M. Virtual organizations. A new form of doing business in the XXI century. Moscow: Dobraya kniga. 2005. 296 p.
- 9. Shiryaeva T.A., Denislamova D.M. Organization mission as an object of linguistic study (by the material of the english language). *Filologicheskie nauki*. *Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 7-2 (37).Pp.211-214
- 10. Shiryaeva T.A., Trius L.I. Verbal realization of self-presentation strategy in the British parliamentary discourse of debate. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta.* 2015. № 2. Pp. 103-107.
- 11. Collins English Dictionary [Electronic Resource]. Mode of Access: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/virtua l (date of access: October 19, 2016).

Абдулкадыров Мовсар Мантаевич, аспирант кафедры английского языка и профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Abdulkadyrov Movsar Mantaevich, Postgraduate Student, The Chair of the English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University

УДК 81'42 DOI: 10.18413/2313-8912-2016-4-4-37-42

Сардалова Л.Р.

РИТУАЛЬНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИЗАЦИЯ РЕЧЕВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет», ул. А. Шерипова, 32, г. Грозный, 364093, Россия, *luiza.sardalova@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются общие аспекты характеризации речевой регламентации с позиций феномена ритуальности как неотъемлемого дискурсивного элемента некоторых видов дискурса. Автором приводятся различные точки зрения как отечественных, так и зарубежных ученых различных областей знания относительно понимания речевой регламентации как элемента ритуальности. Сопоставляются объемы понятий «этикет» и «регламентация» в их дискурсивном преломлении. Особое внимание уделяется различным аспектам политической коммуникации с точки зрения ее межкультурных особенностей. Подчеркивается, что не только социальный контекст, но и непосредственно личность говорящего оказывает значительное влияние на способы употребления речевых этикетных формул. Проводится анализ понятия «речевой этикет» с аксиологического подхода. качестве важнейшей характеристики В регламентированного речевого поведения выступает его нацеленность человеческую коммуникацию максимально гладкой и успешной. Подчеркивается, что регулятивная функция речевого регламента является основной, стабилизирующей общественные отношения в целом, упорядочивающей социальные связи и определяющей их общую направленность в определенных сферах, в частности.

Ключевые слова: ритуальность; регламентация; этикет; коммуникация; дискурс; политический дискурс; регулятивная функция.

Sardalova L. R.

RITUALITY AS A DISCURSIVE PHENOMENON: GENERAL CHARACTERIZATION OF THE SPEECH REGULATION

Senior Teacher, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chechen State University», 32 A. Sheripov St., Groznyy, 364093, Russia, *luiza.sardalova@mail.ru*

Abstract. The article considers general aspects of characterization of the speech regulation from the perspective of the rituality phenomenon as an indivisible discursive element of some discourse types. The author provides various points of view of both Russian and foreign scientists in various areas of knowledge concerning the understanding of the speech regulation as a rituality element. The scopes of the concepts «etiquette» and «regulation» in their discursive refraction are compared. Special attention is paid to various aspects of political communication from the point of view of its cross-cultural features. It is emphasized that not only a social context, but also directly the speaker's identity exerts a considerable impact on directions of the use of speech etiquette formulas. The analysis of the concept «speech etiquette» from the perspective of an axiological approach is carried out. The aim of making human communication most smooth and successful stands out as a major characteristic of the regulated speech behavior. It is emphasized that the regulatory function of speech regulations is the main one, stabilizing the public relations in general, ordering social communications and determining their general orientation in certain spheres, in particular.

Key words: rituality; regulation; etiquette; communication; discourse; political discourse; regulatory function

Успешность речевой коммуникации в современном обществе, как при повседневном общении, так и на уровне международного политического общения, напрямую связана с умениями соотносить выбор языковых средств с конкретной ситуацией и нормами речевого

поведения. Основополагающим понятием, определяющим коммуникативно-поведенческие рамки общения, является «речевой этикет», реализуемый в рамках феномена ритуальности институционального дискурса [17; 22-24; 28]. При этом некоторые сложности, связанные с ситуацией

непонимания и отсутствием необходимых знаний национально-культурных традиций речевого общения, зачастую могут свести на нет все усилия коммуникантов по решению запланированных вопросов, в том числе, глобальных проблем человечества, политических конфликтов, а также установления контактов с зарубежными партнерами [ср.: 20; 21; 26].

Согласно ведущим исследователямлингвистам, содержание и правила ведения коммуникации определяются рамками общения, задаваемыми имплицитными нормами следующих типов:

- языковые правила, подразумевающие верное идиоматичное формулирование языковых высказываний и текстов;
- коммуникативные правила, регулирующие вербальную и невербальную коммуникацию;
- социальные нормы и запреты, регламентирующие коммуникацию в рамках общества. Последние два типа правил составляют основу понятия этикет [15].

Этикет определяется, как «совокупность правил «хорошего тона», принятых в обществе и регулирующих порядок поведения и общения людей» [13]. По мнению Н.И. Формановской, этикет – это комплексная система материальных знаков, указывающих на отношение адресанта к адресату, оценку собеседника и, вместе с тем, на оценку индивидом себя, своего положения по отношению к собеседнику [15, с. 4-5]. Иными словами, этикет является обменом знаками между людьми обозначенными процессе социально-обусловленного ИХ взаимодействия.

Исходя из понимания того, что этикетные высказывания относятся регламентированных, конвенциональных речевых форм, мы считаем правомерным в рамках данного использование исследования качестве основного концепта понятие «речевой регламент». Широко используемое лингвистами понятие «речевой этикет» языковой коммуникации синонимично концепту «регламент», который следует понимать, как регулирующие речевое правила, поведение в обществе, или «регулирующие человека порядок какой-либо деятельности» [10, с. 549].

Политическая коммуникация, рассматриваемая нами в рамках данной работы с точки зрения межкультурных особенностей, выступает разновидностью институционального дискурса. В качестве языковой личности, воспроизводящей речь, выступает политик, представляющий в процессе коммуникации не себя лично, не свою персону, а определенную

организацию, конкретный «институт» (орган власти и / или общественность): правительство или оппозицию, партию, фракцию. В связи с этим, политическая речь рассматривается нами, с стороны, как результат языкового одной творчества политика, с другой стороны, как продукт деятельности представляемой данным партии, фракции, «института», политиком является, как отмечает В. И. Карасик, «статусноориентированной» [7].

Регламент речевой коммуникации в сфере политики тем более важен, что политическая речь ретранслируется в самые широкие слои населения. В качестве адресатов (получателей) официальных политических текстов выступают следующие реципиенты:

- 1) политические сторонники (данного государства и за его пределами);
- 2) политические противники (представители оппозиционного политического «лагеря», в том числе международного сообщества);
- 3) общество в целом (интересующееся положением дел, включая мировую общественность) [8, с. 102].

Безусловно, статус коммуникантов, условия политического общения и важность планируемого результата, имеющего, в том числе международный резонанс, обусловливают рамки и правила, регулирующие их речевое поведение.

Регламентирующий общение этический аспект привлекает внимание исследователей различных областей знания: лингвистики (В.Г. Костомаров, Н.И. Формановская, Л.П. Ступин, В.И. Карасик, И.А. Стернин, Тянь философии (Н.В. Голик, И др.), Р.И. Мамина, Ф.Г. Майленова и др.), психологии (А.С. Киселева, М.И. Воловикова. Ф.Г. Асадуллина и др.), педагогики (Н.В. Ершова, О.В. Ивашкина, Н.Е. Богуславская И др.), (А.В. Соколов, социологии О.В. Зуева, Н.Г. Денисова и др.).

Учитывая точку зрения большинства исследователей, подчеркнем, что современный речевой регламент, являясь много аспектным и сложным понятием, представляет собой коммуникативный феномен, реализуемый в общении в качестве комплексного явления.

Мы полностью разделяем точку зрения Р.А. Газизова, резюмируем, что коммуникативный этикет включает в себя такие компоненты как:

- 1) национальный характер коммуникантов;
- 2) доминантные особенности коммуникации;
- 3) вербальное коммуникативное поведение;
- 4) невербальное коммуникативное поведение;

5) национальный социальный символизим [2, с. 36].

Многоплановый характер понятия «речевой регламент» рассматривается современными исследователями в трех аспектах:

- 1) коммуникативном (регламент способ общения). Нормативность в данном случае рассматривается в качестве совокупности специализированных приемов и черт поведения, при помощи которых имеет место выявление, поддержание и последующее обыгрывание коммуникативных статусов партнеров по коммуникации [14; 16];
- 2) семиотическом (регламент система знаков). Регламентированность речи представляет собой систему знаков, обладающую своим словарем (набором символов) и грамматикой (правилами сочетания этих знаков и построения с их помощью текстов). При этом, стилистическое поведение в рамках той или иной сферы общения определяет степень жесткости и обязательности соблюдения определенных правил [1];
- 3) поведенческом (регламент особая форма поведения). Этикет, с одной стороны зафиксирован в моральных нормах и ценностях и неразрывно связан с ними, с другой стороны, проявляется в формах поведения, наблюдаемых эмпирически. Поведение коммуникантов более или менее точно соответствует их социальными и коммуникативными статусами, реализуясь посредством «искусства общения» [9].

Однако, несмотря на широкую изученность, понятий «речевая норма», «речевой этикет», «речевой регламент», в настоящее время структура этикетных правил, ограничения на их употребление и язык, на котором эти правила излагаются, до сих пор остаются не достаточно разработанными и детально описанными [6, с. 137].

Изучение этнокультурных особенностей регламента политической коммуникации, нашему мнению, напрямую связано лингвистическим пониманием проблематики этикета Н.И. Формановской, определяемого ей как «микросистема национально-специфических вербальных единиц, принятых и предписываемых обществом установления контакта поддержания собеседников, обшения желательной тональности соответственно правилам речевого поведения» [15, с. 2] и устойчивым формулам вежливого общения, касающихся внешнего проявления отношения к людям.

Таким образом, речевой регламент, как и речевой этикет, реализуется посредством использования в коммуникации набора стереотипных фраз, устойчивых формул, произносимых в определенной ситуации, таких как:

«обращение, привлечение внимания; приветствие; прощание; знакомство; извинение; благодарность; поздравление и пожелание; утешение, сочувствие, соболезнование; просьба; приглашение; совет; комплимент, одобрение» [5, с. 48].

Вслед за В.И. Карасиком подчеркнем, что этикет, отвечающий за регулирование поведения людей в стереотипных ситуациях, представляет собой важную составляющую культуры [7, с. 99]. В связи с этим проблематика речевого регламента и этикета активно разрабатывается на стыке лингвистических дисциплин, теории и истории культуры, страноведения, этнографии и других гуманитарных дисциплин.

Речевой регламент привязан к ситуации речевого общения и, по мнению В.Е. Гольдина, ее параметрам: личностям собеседников, теме, месту, времени, мотиву и цели общения [3, с. 37]. Кроме того, регламент коммуникации реализуется в качестве комплекса языковых явлений, которые ориентированы на адресата, однако, личность говорящего/пишущего при этом также принимается во внимание.

В рамках реализации речевой коммуникации следует говорить о следующих концептах:

- 1. Тактичность (этическая норма, требующая от коммуникантов понимания, избегания неуместных вопросов и обсуждения неприемлемых в данной коммуникативной ситуации тем).
- 2. Предусмотрительность (умение предвидеть возможные вопросы и пожелания собеседника и, соответственно, готовность подробного информирования собеседника).
- 3. Терпимость (спокойное отношение к расхождениям во мнениях коммуникантов с избеганием резкой и необоснованной совместной критики) [18; 19; 29].

В связи с тем, что исследователи выделяют речевой этикет устного общения и письменного общения, приходим к выводу, что регламент устной коммуникации включает формулы вежливости и правила ведения разговора (регламент общения), регламент письменной коммуникации — формулы вежливости и правила ведения переписки (регламент переписки).

Использование соответствующих формул взаимодействия осуществляется языкового коммуникантами согласно принципам вежливости и соответствия речевой ситуации. Соответственно, именно ситуация обстановки общения (официальная/неофициальная), а также фактор адресата (социальный статус, возраст/пол, личные заслуги, степень знакомства) предопределяют выбор регламентирующих формул.

Основная цель использования соответствующих ситуации общения формул речевого общения заключается в оказании необходимого воздействия на собеседника, демонстрации доброжелательного отношения к слушающему, уважение к его личности.

Согласно Н.И. Формановской, устойчивые формулы речевого общения являются ситуативно-обусловленными, коммуникативно-направленными, тематически сопряженными, взаимосвязанными и взаимозависимыми в рамках диалогических единств единицами речевого этикета [16].

По мнению Е.С. Поповой, в связи с тем, что коммуникативный акт имеет инициальную, основную и заключительную часть, регламентирующие речь формулы можно также разделить на три соответствующие основные группы: речевые формулы для начала общения; использования в процессе общения; окончания общения [11, с. 115].

Соответственно, для успешного, в том числе межкультурного, взаимодействия коммуникантам необходимо обширное социальное знание, включающее: оценку собеседника, его поведения, ситуации, а также потенциальных взаимоотношений с ним.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что речевой этикет, как основное средство, регламентирующее процесс общения, предписывает применение в речи формул, показывающих особо вежливое, уважительное, ласковое и дружеское отношение говорящего к слушающему. Низкий уровень вежливости коммуникации представляет собой неэтикетный характер, который уместен в особо ограниченном количестве ситуаций c учетом наличия определенных отношений между коммуникантами.

Личность говорящего оказывает заметное влияние на употребление речевых этикетных формул. Соблюдение речевого этикета всеми участниками общения — важная этикетная норма, которая не терпит пренебрежения.

Очень интересной является точка зрения С.А. Рисинзон [12], раскрывающая регламентированность речи в более широком от традиционного понимания ракурсе с точки зрения вежливости и теории речевого акта, разрабатываемой зарубежными лингвистами Р. Воwn, G.N. Leech и Г.П. Грайс [4; 25; 27]. Исследователи дают следующую оценку речевого этикета (РЭ):

1. РЭ как отражение нравственных ценностей (этикет отражает правила поведения,

определяемые нравственными ценностями человека);

- 2. РЭ как выражение социальных конвенций (этикет общественных отношений соответствует социокультурным конвенциям общения на основе этикетных средств, кодифицированных в словарях и учебниках и используемых в стереотипных ситуациях);
- 3. РЭ как соответствие конвенции информативной речи (участие собеседников в диалоге подразумевает их взаимодействие в соответствии с целью диалога);
- 4. РЭ как соответствие конвенции предотвращения конфликта (направленность диалога на сотрудничество, сохранение внимательного отношения друг к другу);
- 5. РЭ как соответствие конвенции сохранения лица говорящего и адресата (использование соответствующего набора речевых стратегий, связанных с ценностями в определенной речевой культуре с целью поддержания имиджа коммуникантов);
- 6. РЭ как соответствие разнообразным прагматическим конвенциям (взаимный обмен дополнительными усилиями коммуникантов для установления атмосферы коммуникативного комфорта, при этом этикетная сторона коммуникации может быть как доминирующей, так и вторичной).

Такой подход к определению регламента речи опирается на достижения отечественной и зарубежной лингвистики и, используя в качестве базового понятие «речевой этикет», постулирует речевой регламент как реализацию конвенций речевого поведения, в соответствие с которыми говорящий, учитывая статусно-ролевые межличностные отношения, коммуникативную цель и другие прагматические факторы не только фатической части своей речи, но и в информативной, выполняет разные речевые действия в пользу адресата, стремясь достичь компромисса и избежать конфликтов в общении [12, c. 112].

Важнейшей характеристикой регламентированного речевого поведения является его нацеленность сделать человеческую коммуникацию максимально гладкой и успешной. В этой связи в случае пренебрежения речевыми формами, нормирующими коммуникацию, продуктивность общения будет сведена к нулю.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать утверждение о том, что понятие «речевой регламент» основано на использовании коммуникативных правил вербального и невербального характера с учетом социальных

норм и запретов. Регламент речи тесно связан с ситуацией общения, которая предписывает носителю определенной культуры осуществлять соответствующий речевых выбор формул условиям коммуникации. согласно специфических вербальных Использование единиц, предписываемых в сфере политической коммуникации для установления контакта и поддержания общения желательной тональности, основано на правилах речевого поведения, основная задача которых, способствовать продуктивному деловому Регулятивная функция обшению. речевого регламента является основной, стабилизирующей общественные отношения В целом, упорядочивающей социальные связи И определяющей их общую направленность в определенных сферах, в частности.

Список литературы

- 1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. 637 с.
- 2. Газизов Р.А. О современном коммуникативном этикете // Русская речь. 2009. №3. С. 36-41.
- 3. Гольдин В.Е. Этикетная речь: учеб. пособие. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. 111 с.
- 4. Грайс Г.П. Логика и речевое поведение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217-237.
- 5. Гурочкина А.Г., Давыдова Л.З. Функционирование формул речевого этикета в акте вербальной коммуникации // Логико-семантические и прагматические проблемы текста: Сб.науч.тр. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т,1990. С.47-53.
- 6. Зуева Е.А. Стереотипные модели вербализации актов поведенческой коммуникации в художественных текстах современной немецкой литературы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. 2009. №4. С. 136-139.
- 7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- 8. Керимов Р.Д. Политический дискурс как особая вербальная категория (на примере немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. І. С. 100-103.
- 9. Кудрявцева И.А. Проблемы речевого этикета в деловой коммуникации //Научная мысль. 2015. № 3 (17). С. 57-60.
- 10. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. Яз., 1988. 750 с.
- 11. Попова Е.С. Особенности речевого этикета в бизнес коммуникации // Язык и мир изучаемого языка. 2011. № 2. С. 111-116.
- 12. Рисинзон С.А. Развитие теории речевого этикета // Гуманитарные исследования. №1 (33). 2010. С.107-112.

- 13. Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж: ВОИПКПРО, 1996. 128 с.
- 14. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. 140 с.
- 15. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистические и методологические аспекты. 2 изд. М., 1987. 158 с.
- 16. Формановская Н.И., Соколова Г.Г. Речевой этикет. Русско-французские соответствия. М.: Высшая школа, 1989. 112 с.
- 17. Ширяева Т.А. Деловой дискурс как коммуникативный акт // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2005. № 3-4. С. 92-99.
- 18. Ширяева Т.А. Соотношение типов институционального делового дискурса и видов модели его адресованности // Язык. Текст. Дискурс. 2008. № 6. С. 81-89.
- 19. Ширяева Т.А. Структурно-содержательная и функциональная парадигма современного делового дискурса: Автореферат дис. ... доктора филологических наук. Нальчик, 2014. 46 с.
- 20. Avanesyan N.K., Bagiyan A.Yu. Terminological units as a way of verbalization of the conceptual metaphor «mother» (based on the material of Russian and English) // Cognitive Studies of Language. 2016. Vol. 25. P. 363-369.
- 21. Bagiyan A.Y. Cognitive and philosophical aspects of specific and common lexis correlation // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 5-6. P. 69-73.
- 22. Bagiyan A.Y. Discourse and different aspects of its definition // Components of Scientific and Technological Progress. 2014. № 2 (20). P. 8-13.
- 23. Bagiyan A.Y. Discourse versus text: differences and similarities // Science and Society. 2014. № 2-1. P. 19-26.
- 24. Bagiyan A.Y. The process of determinologization and its cognitive-stylistic relevance // Science and Technology. 2013. Vol. 1. P. 257-264.
- 25. Bown P. Politeness: Some Universal in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- 26. Chernousova Y.A., Shiryaeva T.A. Business contract as a pragmalinguistic phenomenon // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 17. № 2. P. 163-167.
- 27. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.
- 28. Morreale S.P., Spitzberg B.H., Barge J.K. Human communication: motivation, knowledge, and skills. Belmont, CA: Thomson Wadsworth, 2007. 490 p.
- 29. Ting-Toomey S. Communicating across cultures. New York: Guilford Press, 1999. 310 p.

References

- 1. Arutyunova N.D. *Language and individual's world*. Moscow, 1999. 637 p.
- 2. Gazizov R.A. On modern communicative etiquette // Russkaya rech'. 2009. №3. Pp. 36-41
- 3. Gol'din V.E. *Etiquette speech: student's guide*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1978. 111 p.

- 4. Grays G.P. Logic and communicative behavior // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika. Vol. 16. Moscow: Progress, 1985. Pp. 217-237.
- 5. Gurochkina A.G., Davydova L.Z. Functioning of speech etiquette formulae in the act of verbal communication // Logiko-semanticheskie i pragmaticheskie problemy teksta: Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. ped. in-t,1990. Pp. 47-53.
- 6. Zueva E.A. Stereotype verbalization models of the acts of behavioral communication in modern German texts of fiction // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A.Nekrasova. 2009. №4. Pp. 136-139.
- 7. Karasik V.I. *Language circle: the individual, concept, discourse.* Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
- 8. Kerimov R.D. Political discourse as a special verbal category (as exemplified in the German language) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 11 (41): Ch. I. Pp. 100-103.
- 9. Kudryavtseva I.A. The problems of speech etiquette in business communication //Nauchnaya mysl'. 2015. № 3 (17). Pp. 57-60.
- 10. Ozhegov S.I. *The Russian language dictionary /* Eds. corr. member of the SSSR Academy of Sciences N.Yu. Shvedovoy. 20-e ed, stereotyped. Moscow: Rus. Yaz., 1988. 750 p.
- 11. Popova E.S. Special features of speech etiquette in business communication // Yazyk i mir izuchaemogo yazyka. 2011. № 2. Pp. 111-116.
- 12. Risinzon S.A. Development of the speech etiquette theory // *Gumanitarnye issledovaniya*. №1 (33). 2010. Pp.107-112.
- 13. Sternin I. A. *Russian speech etiquette*. Voronezh: VOIPKPRO, 1996. 128 p.
- 14. Sternin I.A. Communicative behavior in the structure of national culture // Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya. M., 1996. 140 p.
- 15. Formanovskaya N.I. Russian speech etiquette: the linguistic and methodological aspects. 2 ed. Moscow, 1987. 158 p.
- 16. Formanovskaya N.I., Sokolova G.G. *Speech etiquette*. *Russian-French correlations*. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 112 p.
- 17. Shiryaeva T.A. Business discourse as a communicative act // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2005. № 3-4. Pp. 92-99.
- 18. Shiryaeva T.A. Correlation of the types of institutional business discourse and the ways of it addressing // Yazyk. Tekst. Diskurs. 2008. № 6. Pp. 81-89.

- 19. Shiryaeva T.A. Structural-semantic and functional paradigms of modern business discourse: Synopsis of a thesis of Doctor in Philology. Nalchik, 2014. 46 p.
- 20. Avanesyan N.K., Bagiyan A.Yu. Terminological units as a way of verbalization of the conceptual metaphor «mother» (based on the material of Russian and English) // Cognitive Studies of Language. 2016. Vol. 25. Pp. 363-369.
- 21. Bagiyan A.Y. Cognitive and philosophical aspects of specific and common lexis correlation // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 5-6. Pp. 69-73.
- 22. Bagiyan A.Y. Discourse and different aspects of its definition // Components of Scientific and Technological Progress. 2014. № 2 (20). Pp. 8-13.
- 23. Bagiyan A.Y. Discourse versus text: differences and similarities // Science and Society. 2014. № 2-1. Pp. 19-26.
- 24. Bagiyan A.Y. The process of determinologization and its cognitive-stylistic relevance // Science and Technology, 2013. Vol. 1. P. 257-264.
- 25. Bown P. Politeness: Some Universal in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- 26. Chernousova Y.A., Shiryaeva T.A. Business contract as a pragmalinguistic phenomenon // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 17. № 2. P. 163-167.
- $27.\,Leech$ G.N. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.
- 28. Morreale S.P., Spitzberg B.H., Barge J.K. Human communication: motivation, knowledge, and skills. Belmont, CA: Thomson Wadsworth, 2007. 490 p.
- 29. Ting-Toomey S. Communicating across cultures. New York: Guilford Press, 1999. 310 p.

Сардалова Луиза Рамазановна

старший преподаватель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет»,

ул. А. Шерипова, 32, г. Грозный, 364093, Россия luiza.sardalova@mail.ru

Sardalova Luiza Ramazanovna

Senior Teacher

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chechen State University»,

32 A. Sheripov St., Groznyy, 364093, Russia luiza.sardalova@mail.ru

УДК 81'42 DOI: 10.18413/2313-8912-2016-4-4-43-53

Ali Safari

FOREIGN VOWEL ACQUISITION: THE EMOTIONAL APPROACH OF TEACHING BRITISH ENGLISH VOWELS

Assistant Professor of Linguistics, Ph.D, Hazrat Masoumeh University, Qom, Al-Ghadir St., Qom, Iran, alisafari228@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to present results of the research that was performed with 57 second- and third-year Persian students of English Translation. The purpose of the research was to examine how conscious manipulation of facial expressions aids acquisition of foreign vowels by learners, regardless of their native language and the culture they have been brought up in. Taking advantage of achievements derived from such disciplines as psychology of emotions and phonetics depicted as a physical process, an attempt is made to find a tool that improves teaching/learning of foreign vowels, that is to say an effort is put in search of a useful method to make the phonetic process faster and more accurate. Teachers of English are encouraged to put the method, which is described in detail in the paper, into practice with their own mother languages and to share opinions about the method with colleagues. Similarly, it is believed that it can be applied to courses of other languages than just English. Teachers of those languages are encouraged to try to use it, too.

Key words: foreign vowels acquisition, British English vowels, emotions, facial expressions

1. Introduction

ground-breaking publication 'Unmasking the Face: A Guide to Recognizing Emotions from Facial Clues', Paul Ekman and Wallace V. Friesan (Ekman, Friesan, 1975) describe their own studies of the relationship between emotions and facial expressions, along with the conclusions of their research. They answer questions such as: «How many emotions are there? What are their facial clues? Are emotions universal or have a cultural background?» Ekman and Friesan are pioneers in terms of research on the universality of emotions [earlier studies were arbitrary subjective (Knapp Hall, 2000: 416)]. conclusions they have drawn constitute a datum for the given paper, whose objective is to present how useful achievements from the field and psychology of emotions are in the practice of British English vowels pronunciation. One of the first attempted experiments by Ekman and Friesan was conducted in a closed lab. Students from the USA and Japan took part in it. The students were given a piece of stress-inducing film to watch, while their facial expressions were recorded on a videotape during the session. Japanese students tended to repress their expressions more than U.S. students. However, regardless of intensity, both groups revealed the same expressions as indications of emotions triggered by a bit of film. Ekman and Friesan distinguished six of these emotions: happiness, fear, surprise, sadness, anger and disgust. Each of these emotions has their representation observed in facial clues. The clues are¹:

- happiness crow's feet wrinkled, pushed up cheeks, movements from muscles that orbits the eye;
- fear eyebrows raised and pulled together, raised upper eyelids, tensed lower eyelids, lips slightly stretched horizontally back to ears;
- surprise eyebrows raised, eyes widened, mouth open;
- sadness dropping upper eyelids, losing focus in the eyes, slight pulling down of lip corners;
- anger eyebrows down and together, eyes glare, narrowing of the lips;
 - disgust nose wrinkling, upper lip raised.

The pictures of facial expressions found in the reference only stand for exemplary pictures of emotions. It is palpable that they can be expanded in a number of ways in terms of intensity of the movement and position of facial muscles; on one hand there might be an overreaction and exaggeration of expressions, on the other hand they might to be suppressed and barely noticeable. Thus only the clearest (the most «moderate») illustrations of facial expressions are displayed in the course of the research. Having a «completed» set of emotions, Ekman and Friesan started showing pictures of facial expressions to a greater audience. They expanded

Facial Clues. Cambridge: Malor Books: 44, 57, 73, 91, 108, 120.

¹ Photos with examples of facial expressions and a complete table presenting the results of the survey can be found in Ekman, P. Friesan, W. (1975). Unmasking the Face: A Guide to Recognizing Emotions from

the group of informants to include individuals from countries such as Chile, Argentina and Brazil. It turned out that (apart from a few exceptions - most likely conditioned individually) the ability to recognize emotions ranged from 90% to 100%.

Obviously, there was still a possibility that facial reactions to cinematographic stimuli and the ability to recognize emotions presented in the pictures might have been conditioned culturally. Ekman and Friesan wrote (Ekman, Friesan, 1975: 26):

«All the people studied had some shared visual contact, usually not directly but through mass media. It was still possible that (...) the people might have learned (facial expressions) through movies, television, and picture magazines, what each other's facial expressions of emotions looked like».

In order to resolve the dispute, the scientists sought to find a culture that seemed to be as «isolated» as possible, meaning that the culture which had a limited or no access to the media, a culture with no previous contact from «the outside world». Such a culture was found in New Guinea, where a series of the same studies (emotional reactions to stimuli, recognizing emotions) was carried out amidst people whose interactions were mainly limited to interpersonal ones. Conclusions from those studies confirmed what had already been assumed and gave conclusive proof: emotions are universal regardless of culture (emotions are atavistic) and have their corresponding facial expressions. Forehead, eyebrows, eyes, nose, mouth, cheeks and chin which are combined with other facial muscles make the total of 54. Facial muscles form unique, yet universal expressions as emotional reactions to specific stimuli. Ekman and Friesan distinguished six basic emotions (Ekman, Friesan, 1975). In the 80's Ekman set a series of further tests to explore those primary emotions. As a result, he introduced the notion of secondary emotions (derivations), that is to say emotions triggered by primary ones. Ekman expands both of them in 'Emotions Revealed: Recognizing Faces and **Feelings** *Improve* Communication to Emotions' (Ekman, 1986) and in 'The Nature of **Fundamental** Questions' Emotion: Davidson, 1994). Due to a vast number of emotions cited in the literature and their intricate nature, only certain emotions are used for the purpose of the research presented subsequently.

The purpose of the present research is to examine how conscious manipulation of facial expressions aids acquisition of foreign vowels by learners, regardless of their native language and the culture they have been brought up in. This paper is organized as follows: in section 2 physicality of

vowels and different vowel systems of Persian and British English is introduced. In section 3 the survey description, results and discussions are presented. Sections 4, 5 and 6 include comments on emotional approach and conclusions.

2. Physicality of Vowels

There are plenty of textbooks on teaching English pronunciation, e.g.: Komorowska (Komorowska, 2005: 136-145), Harmer (Harmer, 2001: 183-197), Scrivener (Scrivener 2005: 284-297) or Kelly (Kelly, 2000). Much as the authors strive to put the methodology of phonetics into practice, apart from a few exercises on rhythm or intonation, their approach boils down mainly to a mental process. Underhill believes that constitutes a crucial problem (Underhill, 2012). As he makes his claim, learners need to «make pronunciation physical, visible, audible! Move it out of their head and make it a physical process. While grammar and vocabulary may somehow take place 'in the head', pronunciation is the physical aspect of language, it manifests through the body» (Underhill, 2012).

It is somewhat obvious that state schools may not offer a sufficient amount of time for this particular component in regular foreign language classes (Komorowska, 2005: 136) (Harmer, 2001: 183). Nevertheless, at universities, particularly in philology and language faculties, given the resources of space and time, it is vital to make students aware that if they aim at achieving correct British English pronunciation, they have to activate the whole body, which means to make a connection between the muscles and the brain. To account for the statement, especially in terms of understanding British English vowels, Underhill proposes an exercise. He tells the course participants to first pronounce /i:/, then /u:/, paying attention to the movement of the articulators. When producing /i:/, the lips are stretched, the tip of the tongue is closer to the teeth, during /u:/ the tip of the tongue moves backwards, towards the throat and the lips are formed in a solid round. The author of the article recommends a similar exercise, with the sounds /i:/ and /a:/. Again, the principle governing the task is not only to observe the muscular changes, but to feel them. Putting the tip of the index finger to the tip of the tongue is vital in this case. With /i:/ the lips are stretched and the tip of the tongue goes in the direction of the teeth. With /a:/ the jaw drops, mouth opens, the tongue moves towards the oesophagus. The author chooses these two sounds on purpose. Firstly, they do not have their Persian equivalents. Secondly, there is a tremendous difference in terms of movement within the area of the oral cavity between the production of British English and Persian vowels. Taking into account the cardinal vowel diagram (Fig.1), pronunciation of a Persian set, that is to say of /i/ and /a/ causes the articulators to cover a

smaller distance and to put less effort by the speaker than pronunciation of English /i:/ and / α :/ 2 .

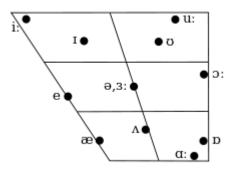

Fig. 1 British English Vowels Diagram.

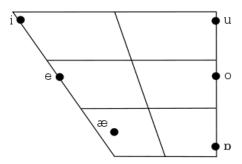

Fig. 2 Persian Vowels Diagram

Comparing the Persian vowel system with that of English reveals some significant differences in the following two areas: 1) The number of vowels and 2) Tense / lax distinctions. In the English vowel system, there are 15 different vowels identified, which include several diphthongs such as /aw /,/ay/, and /oy/. On the other hand, Persian has only 6 vowels in its vowel inventory, a system quite common among many natural languages in the world (Kenworthy, 1987). Although the number of vowels that can be identified in English and Persian can differ depending on different analysis of linguists or phoneticians, it is obvious that there are considerably more vowels in English than in Persian(see figure 2). Another characteristic that typically differentiates the English vowel system from the Persian vowel system is whether there exists the distinction between lax and tense vowels in either of the two system .The differentiation between tense and lax is made according to how much muscle tension or movement in mouth is involved in producing vowels (Ladefoged, 1982). Thus, vowels produced with extra muscle tension are called tense, and vowels produced without that much tension are called lax vowels. For example, /i/ as in English /it/ «eat» is categorized as a tense vowel as the lips are spread (muscular tension in the mouth) and the tongue moves toward the root of the mouth. On the other hand, /I/ as in English « it « is considered to be a lax vowel as there is little movement of the tongue or muscular tension of the lips involved in its production, compared to the manner in which the tense vowel /i/ as in « eat » is produced.

The tense / lax vowels pairs of English do not exist in the vowel system of Persian as there is no tense/lax differentiation. It should be noted, however, that although long vowels of Persian are sometimes analysed as having the same quality as English tense vowels, this claim is difficult to support, because those vowels of Persian are not always contrastive in nature as English tense /lax vowel pairs (Bakhtiarvand, 2005). What is more, is that if the habit of uttering British English vowels in a Persian way continues, it may lead to greater errors that are difficult to correct in time. Thus, it is mandatory for non-English learners to «accept the fact that they must abandon their native habit» (Sobkowiak 2004: 210) and incorporate a new one. The method presented in this paper is a suggestion of how exactly vowels of foreign languages can be elicited by taking advantage of an emotional approach.

3. Facial Expressions in British English Vowels Acquisition

This section of the article contains the findings of a survey carried out with 57 second- and third-year Persian students of English Translation. The attempt was made to find universal emotions and facial expressions that would correlate with vowels occurring in a specific culture. The research is something that has grown from the author's own classroom experience. It is also a suggestion of how teaching sounds of a foreign language can be performed in a phonetic laboratory. It is hoped to receive further and thoughtful consideration.

3.1 Survey Description

Prior to conducting the survey, the notions of basic emotions and secondary emotions were introduced to the students. During a series of short lectures, the students were familiarized with the foundations of emotions. They learnt six basic emotions and what their facial expressions look like. Accordingly, they could strive to grasp the way further emotions are derived, and what changes it triggers in the facial muscles. Unfortunately, due to the lack of time it was impossible to check students' newly gained skills and knowledge. Thus, a presumption had to be made that the informants

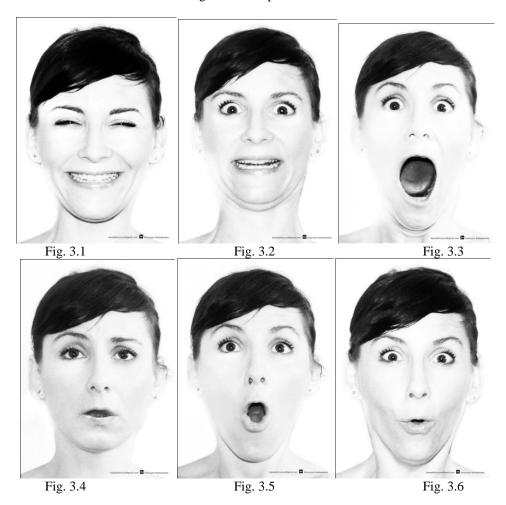
² More exemplary exercise by Underhill on physicality of speech can be found in Underhill, A. (2007). Successful Pronunciation Learning. Teacher Training Workshop DVD. Macmillan and Wyciński, M. (2013). Psychofizjologia i emocje w nauczaniu fonetyki języka angielskiego. Łomża: PWSIIP.

assimilated the material displayed in classes only to a certain. Luckily, it was compensated for by students' life experience and background knowledge related to emotions. Next, the choice of emotions for the survey was made by the teacher. It was not coincidental and it was determined by two factors. First, the emotions were carefully selected based on the teacher's observation of the students in a phonetic class so as to choose emotions that seemed to be most frequently used by the learners, but would not be repeated in the survey, either; it allowed respondents to understand better facial expression differences. Second, the author aimed at evoking as many positive emotions as possible to create a comfortable and aided learning class atmosphere, for which the motive is explained in another section. For the purpose of this part of the experiment, the author recommends an exercise developed by Konstantin Stanislavsky. However hilarious or sometimes stressful the experience of the learners might be, the author and students'

classroom practice indicate the accuracy and effectiveness of this method [in literature described as Stanislavsky Method (Chekhov, 2009)]. The goal of the task is simply to recall a past memory or imagine a situation that is highly emotional for the learners. It helps to utter a sound accompanying the emotional state, that is to say the sound which is only seemingly coincidental for a non-English learner. For instance, in the case of /a:/, it is suggested to imagine or recall a thought of being taken aback by a situation or an entity. It helps to induce a specific emotion (in this case the emotion of surprise) and consequently stimulates lower facial muscles, along with other speech organs, to form a relevant expression corresponding to a specific British English vowel; the tongue retracts and the lips become fully round due to jaw dropping. Lastly, the participants were asked to respond to a set of pictures (Fig.3.1-3.12) presenting facial expressions of emotions in order to state what kind of British English vowels (Fig. 4.1-4.6) they see in them.

Fig. 3Facial expressions.

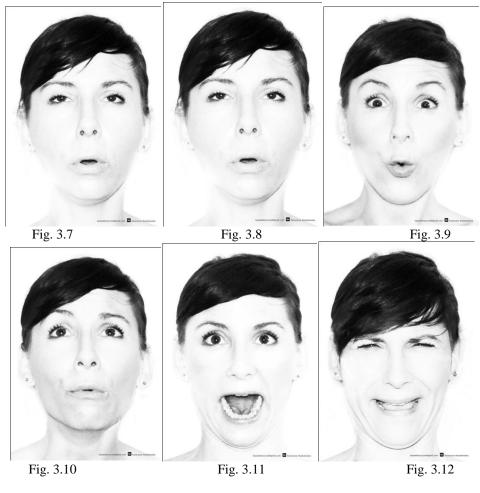

Fig.4 British English vowels – lip and tongue position.

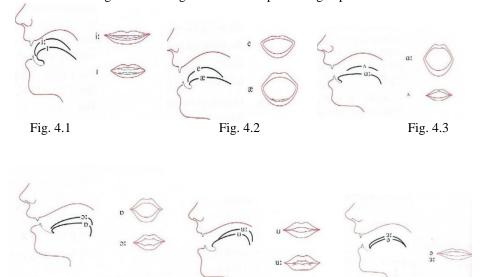

Fig. 4.5

It has to be noted that the area of the lips and the tongue position (that could not be seen in a picture for obvious reasons) were of particular interest in the survey. The upper part of the facial expression, meaning the forehead, eyebrows and eyes were of less importance. Yet, they still served

Fig. 4.4

the purpose of a facilitator in the process of identifying emotions and made a contribution to teaching/learning vowels.

Fig. 4.6

3.2 Results

The results of the study are presented as follows (see also Fig.5):

- Fig. 3.1 90 % of informants (51 students) were able to identify that the «hidden» vowel in the emotion of happiness is /i:/. Lips are spread, upper teeth are more visible than the lower ones.
- Fig. 3.2 84% of informants (47 students) identified /I/ in the emotion of fear. Lips are slightly spread, upper and lower teeth are visible to the same extent.
- Fig. 3.3 86 % of informants (49 students) recognized /a:/ in the emotion of surprise. Mouth is fully open with no clear sign of teeth.
- Fig. 3.4 85 % of informants (48 students) identified $/\Lambda$ in sadness, with a little open-mid position of the lips.
- Fig. 3.5 71 % of informants (40 students) acknowledged that excitement, as a derivation from happiness, combined with surprise shows /p/. Mouth is open quite fully, no teeth can be observed.
- Fig. 3.6 73 % of informants (42 students) agreed that the emotion being a combination of excitement, which originates from happiness and admiration (derived from happiness and surprise),

hold the position of a vowel /ɔ:/. The lips are quite strongly rounded.

- Fig. 3.7, 3.8 80 % of informants (45 students) decided that the emotion of relief (as a variation of happiness) stand for $\frac{3}{4}$ and $\frac{4}{5}$ sounds, with neutral position of the lips in both.
- Fig. 3.9 72 % of informants (41 students) showed that admiration being derived from happiness and surprise comprises /u:/. The lips are rather closed and moderately rounded.
- Fig. 3.10 80 % of informants (45 students) stated that sadness and sympathy, as a reaction to the basic emotion of sadness, presents $/\sigma$ /. The lips are slightly open and rounded.
- Fig. 3.11 86 % of informants (49 students) claimed that shock, which is derived from fear, shows a sign of /æ/.
- Fig. 3.12 83 % of informants (46 students) attributed the emotion of disgust to /e/, with the lips spread and the upper teeth slightly raised.
- Fig.5. Facial Expressions to Identify British
 English Vowels.

Facial Expression	Emotion	Vowel	Lip Position in a Vowel	Accuracy
	Happiness	/i:/		90%
	Fear	ΛV		84%
	Surprise	/a:/		86%

	Sadness	/^/	85 %
Samuel Base and	Excitement (derived from happiness) combined with surprise	/v/	71 %
	Excitement (derived from happiness) combined with admiration (derived from happiness and	/ɔ:/	73 %
	Relief (derived from hapiness)	/3:/	80 %
	Relief (derived from hapiness)	/ə/	80 %

Admiration (derived from happiness combined with surprise)	/u:/	72 %
Sadness combined sympathy (derived from sadness)	/ʊ/	80 %
Shock (derived from fear)	/æ/	86 %
Disgust	/e/	83 %

The column 'Emotion' has been adapted from Ekman, P., Friesan, W. (1975). *Unmasking the Face: A Guide to Recognizing Emotions from Facial Clues*. Cambridge: Malor Books.; Ekman, P. (1993). *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotions*. New York: Times Books.; Shaver's 'Tree of Emotions' 2001 (Internet resources).

The column 'Lip Position in a Vowel' has been adapted from Baker, A. (2011). *Ship or Sheep? - An Intermediate Pronunciation Course.* Cambridge: Cambridge University Press: 7, 15, 19, 23, 33, 39, 48.

3.3 Discussion

On one hand, the results may appear to be too low. As it turns out, even a group with an experience of more advanced facial expression recognition can encounter difficulty to grasp and identify emotions and their corresponding facial clues, with the ability to identify secondary emotions and combinations of emotions in particular. Despite a series of short lectures on emotional aspects, Stanislavsky Method having been put into practice, and with the training of producing vowels on demand itself, a certain number of students failed to attribute properly the

sound they have uttered to the expression they have hold. Some of them admitted that were not able to tell the difference in the set of pictures and consequently did not supply any answer. In this case, it was respondents' limited ability to understand emotions that prevented them from completing the task.

On the other hand the results may appear to be surprisingly high; the accuracy of identifying emotions and facial expressions with British English vowels gave the total of 81%. It happened so probably on account of the fact that the research was performed in a group that had already worked with the author of the article in a phonetic class. The students might already have a pre-studied knowledge and expectations of facial expressions and vowels that had been based on their earlier classroom experience. Whatever the respondents provided, they might have chosen the vowels by having a prepared answer that had been formulated on what they had learned and suggested by the teacher. It does mean that they were somehow obliged to present the anticipated results. They merely and most likely decided on one, amidst a multitude of others, and the most familiar way enabling and ameliorating proper acquisition of vowels. Another vexed question is the one of vocalization. The students were given the photos without the sounds. It was respondents' duty to associate the picture and the sound and decide how this sound can be emitted while stretching facial muscles/articulators in a specific way. Hence an illustration of a very precise score (90%) of happiness with the sound /i:/ - a sound that is crossculturally acknowledged and commonly produced in English when taking photos to evoke an expression of happiness of picture models by means of saying the word 'cheese' /tsi:z/ (or even quite acceptably 'silent 'H'' used to exercise pronunciation of /3:/ and /ə/). But with /p/, /ɔ:/ or /u:/, the estimate has generated only 72% since students might have had different sounds in their minds when looking at the pictures. What is more, happiness can be expressed in a number of other ways than only with the sound /i:/ and spread position of the lips ; just like excitement or admiration unnecessarily have to possess the sounds that have been attributed by the students. Both of them, the emotions and the sounds occur to have a vast range of arrangements which are applicable depending on the purpose of their use, for this purpose - of phonetic one. In this sense, when facial clues pile up and the sounds can be uttered in endless ways, the numbers that may be too low because of informants' lack of practical knowledge or too high because of prior phonetic experience seem to be justified. Thus further studies are recommended.

The very last determinant of the results of the experiment is the quality of the pictures and inability to evoke a specific emotion more vividly in order to provide an exemplary emotion with specific micro expressions, especially in the vicinity of a forehead, eyebrows, eyes and lips. Fortunately, such kind of obstacles can be easily surmounted by developing stronger sense of an emotional attachment by the picture model while expressing emotions and/or an appropriate manipulation of the pictures. There is a series of research that the author intends to undertake in pursuit of what has already been established. A larger number of respondents is expected to participate in an experiment and more time will be devoted to the introduction and understanding the notions of emotions (both primary and secondary and combinations of those emotions). Such a course of action should confirm the relations between emotions and vowels and specify them. As far as the studies go, the sounds will be added, too. Owing to delving into the field of vocalization, new sets of expressions-vowels links should be revealed, connections that could be successfully used in phonetic classes afterwards. Additionally, assuming that the above goals can be achieved, it would be vital to consider extending the method to involve other languages (e.g. Spanish, Italian or German) than just English. There is a difference between the production of sounds that are culturally conditioned. But it is always possible to find suitable facial expressions of emotions which are universal for all cultures.

4. Why The Emotional Approach?

It has been already stipulated that the process of teaching vowels (and foreign pronunciation in general) should be physical and emotional. Such an approach has profound results. But not only does it allow non-English speakers to learn proper pronunciation faster and more accurately, it also performs two other crucial functions. Firstly, enhances students' memory and cognitive abilities. Manfred Spinzter in his book 'The Mind within the Net: Models of Learning, Thinking, and Acting' (Spitzer, 2008) cites an experiment in which the relationship between memory and emotional involvement was studied. The experiment involved presenting the story of the same length to two groups. The story was of more or less the same content. The second group heard it with a greater emotional dose, though. After a week, informants were asked to tell how well they had memorized the story. It was revealed that the details of the story were far better remembered by those

who had heard its more emotional version. The experiment proved that emotional involvement significantly improves learning abilities. As Paula Niedenthal and Marc Setterlund confirm in an academic textbook on general psychology (Strelau [ed], 1999: 378):

«Experiencing a particular emotional state should activate semantic words in memory, should strengthen the relationship between the state and the memory, and consequently facilitate the perception.»

Not only do emotional states aid memory, but cognitive and receptive skills as well.

«People perceive and memorize better entities of greater emotional value» (Anglart-Maciejewska, 2012).

Secondly, it increases students' self-awareness and social competences. The results of the survey show that some students were still unable to recognize emotions - some students could not decide on specific emotions presented in the picture, while others probably unintentionally mistook one emotion for another. It is one of the reasons, which have been provided in section 3 of the paper, of errors constituting a significant problem. As it appears from the outlines of educational standards in Iran (dated 2nd June 2014), the subject of emotions is frequently omitted or covered superficially at state schools or even in academic classes of departments of humanities at universities, including psychology faculties. Therefore, it is believed that steps must be taken to rectify the situation. The more learners are familiarized with aspects of emotions, particularly with aspects such as identifying them, the more emotionally orientated they become. Consequently, it leads to a better understanding of students themselves and more conscious social interactions that students take. Lastly, it turns out that the role of the teacher is not teaching new sounds but merely eliciting sounds that learners already know. Students are often unaware that they indeed know the desired sound and have already used it many times, but deny it. Teacher's job is to bring out the sounds that students have used in the past unconsciously, and to put them into practice in a conscious way in a language laboratory. It is the author's preferred approach called «coaching» (Bennewicz, 2011). In coaching the responsibility of gaining skills is handed over to the person being trained - it is learners' up to them do their utmost. The coach's duty is only to help the person reach beyond their capabilities (Bennewicz 2011: 23-31), in this case reach beyond linguistic ones.

5. Comments

Theemotional approach in the acquisition of foreign vowels is apparently useful. For instance, when learners encounter problems with the

arrangement of speech organs, the teacher prompts with the questions like: «What do you think fear looks like? What about surprise? Do you remember a situation when you were shocked or maybe happy? What is your reaction to something beautiful?» etc., and adds: «Hold this facial expression and make a sound, please, because that's the sound we've been looking for». Articulation varies culturally, facial expressions do not.

Two essential rules have to be observed. The first one applies to teachers. They must control the situation in the classroom at all times. Before provoking a person to express an emotion, the participant has to be informed beforehand, so that the person would not feel intimidated (Grzesiak, 2009: 277-306) and everyone in the class would feel safe. The second one is moderation. Although the methods from the field of psychology of emotions are effective, they should not be overused. If so, the students may get upset or grow tired. It is important to use common sense.

6. Conclusions

- Emotions are universal in all cultures. They have their corresponding facial expressions which are universal, too.
- The process of teaching pronunciation should not be perceived only as a mental process. Teaching pronunciation is a physical process and should be regarded as such.
- Teaching pronunciation is an emotional process. Conscious manipulation of emotions in search of appropriate facial expressions aids acquisition of foreign language vowels.
- Emotions can be triggered for better absorption of phonetic structures; they also serve the purpose of increasing cognition and memory.
- Conscious emotion manipulation increases students' self-awareness, develops their social competences and perception of the world.
- However the method of teaching foreign vowels with an emotional approach is effective, it should be used reasonably.
- Further studies on the relationship between facial expressions and vowels acquisition of foreign languages, especially in terms of vocalization, are recommended.

References

- 1. Anglart-Maciejewska, A. (2012). Wpływ emocji i inteligencji emocjonalnej na postępy w nauce (Influence of emotions and emotional intelligence in learning process). onlinematerial.
- 2. Bakhtiarvand, M. (2005). Phonological Differences between Persian and English:Several Potentially Problematic Areas of Pronunciation for Iranian EFL Learners. MA thesis. Research and science center of Islamic Azad university Of Ahvaz.

- 3. Baker, A. (2011). Ship or Sheep? An Intermediate Pronunciation Course. Cambridge: Cambridge University Press.
- 4. Bennewicz, M. (2011). Coaching imentoring w praktyce. Podręcznik dla menadżerów, zawodowych coachów i pasjonatów (Coaching and Mentoring in Practice. Handbook for managers, professional coaches and enthusiasts). Warsaw: GJ Gruner.
- 5. Chekhov, MA. (2009). The Art of the Actor. Krakow: Arche.
- 6. Ekman, P. Friesan, W. (1975). *Unmasking the Face: A Guide to Recognizing Emotions from Facial Clues*. Cambridge: Malor Books.
- 7. Ekman, P. (1993). Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotions. New York: Times Books.
- 8. Ekman, P. Davidson, R. (2002). *Natura emocji:* podstawowe zagadnienia (The Nature of Emotion. Fundamental Questions). Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne.
- 9. Grzesiak, M. (2009). Wyjątkowy nauczyciel. Szkolenia XXI wieku (Exceptional Teacher. Trainings for the 22nd century). Warsaw: GJ Gruner.
- 10. Harmer, J. (2011). *The Practice of English Language Teaching (3rd Edition)*. Harlow: Pearson Education Limited.
- 11. Kelly, G. (2000). *How to Teach Pronunciation*. Harlow: Pearson Education Limited.
- 12. Kenworthy, J. (1987) Teaching English Pronunciation. Harlow: Longman
- 13. Komorowska, H. (2005). *Metodyka nauczania języków obcych (Methodology of Teaching Foreign Languages)*. Warsaw: Fraszka edukacyjna Sp. z.o.o.
- 14. Knapp, M.L., Hall, J.A. (2000). Komunikacja niewerbalna w interakcjach międzyludzkich (Nonverbal communication in human interaction). Wrocław: Wydawnictwo ASTRUM
- 15. Ladefoged, P. (2001) *A Course in Phonetics. Orlando*: Harcourt College Publishers.
- 16. Roach, P. (2002). A Little Encyclopaedia of Phonetics. Reading: University of Reading.
- 17. Roach, P. (2012). English Phonetics and Phonology. A Practical Course. 4th Edition. Cambridge: Cambridge University Press.

- 18. Sobkowiak, W. (2008). English Phonetics for Poles. Poznań: Wydawnictwo poznańskie. Scrivener, J. (2011). Learning Teaching: 3rd Edition Student's Book Pack (Books for Teachers). Oxford: MacMillan.
- 19. Spitzer, M. (2008). Jak uczy się mózg? (The Mind within the Net: Models of Learning, Thinking and Acting). Warsaw: PWN.
- 20. Strelau, J. (ed.) (2009). *Psychologia. Podręcznik akademicki. Tom II (Psychology. Academic Handbook on General Psychology. Volume II)*. Sopot: Gdańskie Wydawnictwa Psychologiczne.
- 21. Underhill, A. (2007). Successful Pronunciation Learning. Seminar for English Language Teachers. Oxford: University of Oxford.
- Underhill, A. (2007). Successful Pronunciation Learning. Teacher Training Workshop DVD. Macmillan.
- 23. Underhill, A. (2012). *Make Pronunciation Physical, Visible, Audible!* Macmillan Online Conference. Macmillan.
- 24. Wyciński, M. (2013). Psychofizjologia i emocje w nauczaniu fonetyki języka angielskiego (Psychophysiology and emotions in teaching English phonetics). Łomża: PWSIIP.

Dictionaries

25. Wells, C., J. (ed.)(2008). *Pronunciation Dictionary*, 3rd Edition. Harlow: Pearson Education.

Internet resources

- 26. http://changingminds.org/explanations/emotions/basic%20emotions.htm(2/06/2014)
- 27. http://en.wikipedia.org/wiki/Persian_phonology (2/06/2014)
- 28. http://en.wikipedia.org/wiki/International_Phonet ic Alphabet chart for English dialects (2/06/2014)

Ali Safari

Assistant Professor of Linguistics, Ph.D Hazrat Masoumeh University, Qom Al-Ghadir St., Qom, Iran alisafari228@gmail.com

РАЗДЕЛ IV. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН SECTION IV. LANGUAGES OF PEOPLES AND NATIONS OF THE WORLD

УДК 81'42 DOI: 10.18413/2313-8912-2016-4-4-54-65

Samia Azieb Prof. Mahmoud Qudah SOFT-BOILED SPEECH: A CONTRASTIVE ANALYSIS OF EUPHEMISMS IN ALGERIAN AND JORDANIAN ARABIC

University of Jordan Princess Sumaya University for Technology

Abstract. The present contrastive study is geared mainly towards probing into the euphemistic language that Algerian and Jordanian Arabic speakers resort to when certain tabooed topics and concepts are brought to the fore. Intriguingly, such an analysis was done in the light of Brown and Levinson's Politeness Theory. To this end, the data were elicited by dint of two questionnaires which were prepared by first collecting the needed euphemisms from the native speakers of the two dialects under scrutiny. The first one was handed to a randomly chosen sample of 100 Algerian BA students of English at the University of Mohammed Seddik Ben Yahia, Jijel. The second one, however, was given to a randomly chosen sample of 100 Jordanian BA students of English at the University of Jordan. The findings indicate that euphemism is both a linguistic as well as a cultural phenomenon. Accordingly, despite highlighting some similarities between the two cultures under scrutiny in the use of euphemistic terms and expressions, one to one correspondence does not exist. Therefore, taking cognizance of euphemisms in different cultures is a sine qua non for facilitating intercultural communication.

Key words: Algerian Arabic, Euphemism, Intercultural Communication, Jordanian Arabic, Politeness Theory.

1. Introduction

For the sake of politeness or pleasantness, broaching some topics or referring to certain concepts necessitates making recourse to some safeguards that are embedded differently in different languages and language varieties. Euphemisms- courteous ways of referring to tabooed terms and topics- could be those safeguards when sensitive topics are brought into prominence. For example, to describe children of low intelligence, people use «a bit slow for his age», «Less able» or «under achiever», etc. If someone has died, he is thought of as having «passed away», and those who are handicapped or disabled are named politely as «differently-abled». A «homeless person» is euphemized by «on the streets» while abortion is euphemistically referred to «pregnancy termination». These mild expressions are found in all cultures and they are «a universal feature of language usage» (Brown & Levinson, 1987, p.216). That is, they exist in every language and no human communication is without euphemisms. However, a particular utterance which is polite in one culture might be impolite in another culture. Therefore, taking cognizance of euphemisms in different cultures is a sine qua non for facilitating intercultural communication.

As a matter of fact, euphemistic words and expressions embody human being's desire to extricate themselves from barbarism and to become civilized creatures. Hence, it should be noted that inextricably linked to Particularly, their use is in conformity with Brown and Levinson's Politeness Theory. The latter revolves around the notion of face which they succinctly defined as «the public self-image that every member wants to claim for himself...Thus, face is something that is emotionally invested, and that can be lost. maintained, or enhanced, and must be constantly attended to in interaction» (Brown & Levinson, 1987, p. 61). They considerer face as a coin with two interrelated sides viz: positive face and negative face. The former entails «the positive consistent self-image or 'personality' (crucially including the desire that this self-image be appreciated and approved of) claimed by interactants» while the latter incorporates «the basic claim to territories, personal preserves, rights to non-distraction-i.e. to freedom of action and freedom from imposition»(Brown & Levinson, 1987, p. 61).

Therefore, the main premise of the Politeness Theory is that speakers try to avoid threatening the face of those they address by dint of various forms of indirectness, an instance of which is the so-called

«euphemisms». Following this line of reasoning, Allan and Burridge (1991: 14) assert that «a euphemism is used as an alternative to a dispreferred expression, in order to avoid possible loss of face: either one's own face, or through giving offence, that of the audience, or of some third party». The gist is that the interlocutors resort to using euphemistic expressions either to minimize threat to the addressee's face or to minimize threat to their own face.

Axiomatically, defining the concept euphemism has gained the attention of different researchers since time immemorial. , As a result, a plethora of definitions have been provided for it. In a nutshell, the word euphemism originated in the Greek language. Accordingly, the Online Etymology Dictionary defines a euphemism as «1650s, from Greek euphemismos »use of a favorable word in place of inauspicious from euphemizein »speak with fair words, use words of good omen,» from eu-»good, well» (see eu-) + pheme »speaking,» from phanai »speak». In this regard, McArthur (1992, p. 387) states that a euphemism in rhetoric is «the use of a mild, comforting, or evasive expression that takes the place of one that is taboo, negative, offensive, or too direct: Gosh God, terminate kill, sleep with have sex with, pass water, relieve oneself urinate». In a similar vein, there are other definitions of euphemism which are also based in one way or another on the notion of indirectness: "a mild or roundabout word or expression used instead of a more direct word or expression to make one's language delicate and inoffensive even to a squeamish person" (Willis & Klammer, 1981,p.192-193). Also, Al-Qarni and Rabab'ah (2012, p.730) maintain that euphemism is a universal phenomenon which could be succinctly elucidated as «a polite or indirect way of saying a tabooed term». Following the same line of reasoning, Rawson (1981, p.1) asserts that euphemisms are «mild, agreeable, or roundabout words used in place of coarse, painful, or offensive ones. The term comes from the Greek eu, meaning «well» or «sounding good,» and phêmê, «speech»«.

As is clear, euphemisms are worthy of the controversy that their study has engendered. Therefore, for the sake of efficiency in handling the matter at hand, the present research work raises the following overarching questions:

- 1. What euphemisms do Algerian and Jordanian Arabic speakers use to refer to each of the following topics: Death, sickness, and cancer, and to certain places, jobs, and terms of address?
- 2. What are the main similarities and differences between Algerian and Jordanian Arabic speakers in the use of euphemisms?

3. Do the differences in using these euphemisms result from having two different cultures?

2. Literature Review

Following the emergence of contrastive analysis under the leadership of Robert Lado, researchers in the field of contrastive linguistics have hastened to compare languages with regard to their sound systems, grammatical structures, writing systems, cultures and vocabulary systems. Apparently, Arab researchers are no exception. Accordingly, Arabic-English contrastive studies started to dominate the scene of contrastive linguistics in the late 1950's of the twentieth century. This was in conformity with developments in contrastive analysis studies in Europe and the U.S.A. During their first phase, Arabic-English contrastive studies were characterized their «pedagogic orientation decontextualization of linguistic data» (Mukattach 2001: 116). However, they had a brand new direction which was unavoidable due to the dominant developments in linguistic theory at the time. Thus, they changed from having a pedagogic orientation to joining the realm of theoretical contrastive studies. However, having a myriad of contrastive studies which contrast the lexis of two varieties of the same language, and thus two cultures, is still something to be desired.

Qi (2010) attempted a contrastive analysis of the cultural differences in Chinese and English Euphemisms by means of the relevant linguistic theories. Thus, he concluded that euphemism is a linguistic, and particularly a cultural phenomenon and its development is the outcome of various sociopsychological factors. Importantly, the researcher maintained that such a study would surely shed light on the English teaching in China in the sense that in the teaching of English vocabulary, it is necessary for teachers to draw students' attention to understanding and use of those words expressions with strong cultural connotations; teachers may as well make a bilingual comparison and contrast of such words and expressions, especially those which are not bad in the dictionaries but are to be avoided in the eyes of the British and Americans.

In another seminal study, Al-Azzeh (2010) gave special emphasis to the use of euphemisms by Jordanian speakers of Arabic. In this regard, she investigated meticulously the most common euphemisms Jordanian Arabic speakers use to refer to tabooed words, topics and concepts in their daily communication. In doing so, she examined the effect of social variables such as, the dialectal variety, gender and age on the use of euphemism in the

Jordanian society in the light of the Politeness Principle and Context Theory.

Following similar lines of inquiry, Qanbar (2011) conducted a sociolinguistic study of the linguistic taboos in the Yemeni society and the strategies used by the Yemeni speakers to avoid the use of these words through different types of replacement of taboo words with more acceptable words such as euphemisms. Such a practice is conditioned by the cultural and religious norms of the society. It also offers an explanation as to why certain words are considered taboos in the society and why certain taboo words are accompanied by particular conventionally-fixed words. Intriguingly, this study used the politeness approach proposed by Brown and Levinson (1978, 1987) as the theoretical framework for the analysis of linguistic taboos in the Yemeni society.

Al-Qarni and Rabab'ah (2012) probed into the similarities and the differences between euphemism strategies that are used in Saudi Arabic and English and the way they are linked to cultural and religious beliefs and values. The researchers concluded that the strategies of euphemism found in the Saudi responses are 'part-for-whole', 'overstatement', 'understatement', 'deletion', 'metaphor', 'generalfor-specific', and 'learned words and jargons'. The **British** participants, however, employed 'understatement', 'deletion', 'learned words and jargons', 'metaphors', and 'general-for specific'. Thus, Saudi Arabic was found to have more ways of expressing euphemisms. Another significant finding was that the Saudis and the British resort to taboos when handling death and lying, but hardly ever for bodily functions.

Importantly, Gomaa and Shi (2012) geared their study towards the investigation of the euphemistic language of death in Egyptian Arabic and Chinese. They found out that euphemisms are universal since they exist in every language and no human communication is without euphemisms. Both Egyptian and Chinese native speakers regard the topic of death as a taboo. Therefore, they handle it with care. Though Egyptian Arabic and Chinese employ euphemistic expressions to avoid mentioning the topic of death, Chinese has a large number of death euphemisms as compared with the Egyptian Arabic ones. The results also showed that death euphemisms are structurally and basically employed in both Egyptian Arabic and Chinese in metonymy as a linguistic device and a figure of speech. Moreover, they employed conceptual metaphor to substitute the taboo topic of death.

In a more recent study, Ghounane (2014) shed light on the dark side of Algerian culture in relation to language use via investigating linguistic taboos and euphemistic usage. The researcher showed that

the attitudes of Algerian speakers are linked to certain socio-cultural and psychological factors including the social norms of the society, the social upbringing of its individuals and the social environment in which they get in contact in addition to their identity construction and other parameters. It was also found that Algerian people have developed a rich vocabulary which includes euphemistic substitutions. These substitutions are the results of societal, psychological and cultural pressures.

3. Methodology

The primary informants of the data are the first and the second authors who are native speakers of Algerian Arabic and Jordanian Arabic respectively. However, this was also supplemented by consulting several other native- speaker respondents who gave a hand by providing more examples of euphemisms so to help in the preparation of the two questionnaires. Accordingly, the first questionnaire was administered to a randomly chosen sample of Algerian BA students of English at the University of Mohammed Seddik Ben Yahia, Jijel. The second one, however, was given to a randomly chosen sample of 100 Jordanian BA students of English at the University of Jordan. Intriguingly, the differences in euphemistic language use that relate to some variables including gender were overlooked in the present study.

4. Results and Discussion

The findings of the study are presented and discussed in three sub-sections viz: (1) The Analysis of Algerian Arabic Data, (2) The Analysis of Jordanian Arabic Data, and (3) Contrasting Algerian and Jordanian Arabic Data.

4.1. The Analysis of Algerian Arabic Data 4.1.1. Algerian Arabic Euphemisms for Death, Sickness, and Cancer

Frequency tables and percentages were established to see the extent to which each euphemism was used by Algerians to refer to the following taboo topics: death, sickness, and cancer respectively. Tables 1, 2, and 3 are a case in point.

Table 1
Frequencies and Percentages of Death Euphemisms
in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
حاجة الله الداه الله	6	6%
عطاك عمر	3	3%
الدايم ربي	19	19%
البقاء لله	11	11%
رحمة الله عليه	40	40%
حكم عليه ربي	21	21%
Total	100	100%

As it is plainly displayed in table 1, the Algerian euphemized expression for death with the highest percentage was عليه رحمة الله عليه (40%). This was followed by حكم عليه ربي, with a percentage equals to 21%. In addition, 19% of the respondents admitted that they used الدايم ربي. However, the percentage representing the use of البقاء لله البقاء لله البقاء لله المناف with the values 6% and 3% respectively.

Table 2
Frequencies and Percentages of Sickness Euphemisms
in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
ماقادرش	29	29%
مريض	10	10%
عيان	3	3%
تعبان شوي	7	7%
معلول	8	8%
غلبان	2	2%
كما حب ربي	6	6%
في حالة	28	28%
فلفر اش	7	7%
Total	100	100%

Dealing with the topic of sickness seems to have classified the euphemisms used by Algerian respondents according to their frequency of use from the highest to the lowest as follows: في (29%), مقادرش (28%), معلول (10%), معلول (8%), with تعبان شوي having the same percentage (7%), حما حب (6%), عبان (3%), and غلبان (2%).

Table 3
Frequencies and Percentages of Cancer Euphemisms in
Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
القونصير	10	10%
المرض ليمامليحش	30	30%
المرض الخامج	7	7%
هداك المرض	15	15%
المرض ليمايتسماش	18	18%
هداك المرض عافانا الله	20	20%
Total	100	100%

According to the responses obtained in table 3, a great percentage of the respondents (30%) used المرض ليمامليحش to refer to cancer. The euphemism المرض عافانا الله had the second percentage 20%. The third position was recorded for المرض ليمايتسماش 18%. Lower frequencies, however, were recorded for المرض الخامج and القونصير, هداك المرض of 15, 10 and 7 respectively.

4.1.2. Algerian Arabic Euphemisms for Jobs, Places and Terms of Address

The second question in the present research work is devoted to the euphemisms that were used to refer to some concepts such as certain places, jobs, and ways of naming and addressing in Algerian Arabic. Tables from 4 through 15 show the results of each concept and the distribution of their frequencies and percentages according to the number of participants for each concept.

Table 4
Frequencies and Percentages of Cemetery Euphemisms
in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
المقبرة	25	25%
المدفن	9	9%
الجبانة	66	66%
Total	100	100%

A considerable number of respondents (66) reported using the euphemism الجبانة. The second position was represented by the term المقبرة: 25. Apparently, the least used term by Algerians was discovered to be المدفن: 9.

Table 5
Frequencies and Percentages of Prison Euphemisms
in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
السجن	8	8%
الحبس	45	45%
السيلون	32	32%
مركز الاصلاح الاجتماعي	4	4%
بو هدمة	11	11%
Total	100	100%

Table 5 indicates that almost have of the informants (45%) made recourse to the euphemism الحبس. The euphemized expression الحبس had the second rank with a percentage of 32%. Less frequencies of use were recorded for بوهدمة: 11%, مركز الاصلاح الاجتماعي 8%, and السجن 4%.

Table 6
Frequencies and Percentages of the Place of Memorial
Ceremony Euphemisms in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
بيت لعز ا	18	%18
دار لعزا	25	%25
نروح عند موالين الميت	57	%57
Total	100	100%

The findings in table 6 are an indication that نروح عند موالين الميت was the most frequently used euphemistic expression among Algerian speakers: %57. A quarter of them (%25) used دار لعزا whereas only %18 used بيت لعزا.

Table 7
Frequencies and Percentages of Garbage Man
Euphemisms in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
البوباليسث	15	15%
عامل النظافة	40	40%
ليكاينظف	45	45%
Total	100	100%

According to table 7, ليكاينظف ranked first 45%, followed by the terms عامل النظافة 40%, and البوباليسث 15%.

Table 8
Frequencies and Percentages of Woman Naming
Euphemisms in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
لمره	42	42%
المادام	16	16%
المخلوقة	9	9%
العايلة	6	6%
أم لولاد	20	20%
السيدة	5	5%
Total	100	100%

According to the responses obtained, the euphemism مره occupied the first position by being represented with a percentage of 42%. The second highest position was represented by أم لولاد (20%. Closer to the latter in percentage was المادام المادام (6%), and السيدة (6%), العايلة (6%).

Table 9
Frequencies and Percentages of Step Wife Euphemisms in Algerian Arabic

	_	
Euphemism	Frequency	Percentage
طارتها	18	18%
مرت راجلها	31	31%
لمر التانية	51	51%
Total	100	100%

Table 9 discloses the following. Half of the respondents: 51 tended to use the term لمر التانية, 31 referred to the step wife as طارتها, and only 18 employ مرت راجلها.

Table 2
Frequencies and Percentages of Barren Woman
Euphemisms in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
ما تضنیش	33	33%
ما رزقهاش ربي	11	11%
مانابش عليها ربي	19	19%
ماعطاهاش ربي	7	7%
ماتجيبش دراري	30	30%
Total	100	100%

Table 11
Frequencies and Percentages of Mother-in-Law
Euphemisms in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
عجوزتي	28	28%
خالتي	11	11%
عمتي	8	8%
حماتي	30	30%
لالة	23	23%
Total	100	100%

With regard to mother-in-law euphemisms, table 11 shows that حماتي ranked at the top of the list: 30 %. In the second position was عجوزتي : 28%. Following these was 'لالة': 23%. At the other end of the spectrum were خالتي: 11% and خالتي: 8%.

Table 12
Frequencies and Percentages of Step-mother
Euphemisms in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
مرت بابا	73	73%
خالتي	17	17%
عمتي	10	10%
Total	100	100%

In statistical terms, table 12 manifests that more than half of the respondents (73) preferred using the euphemism مرت when referring to their stepmothers. However, the use of عمتي and عمتي was restricted to the frequencies of 17 and 10 respectively.

Table 13
Frequencies and Percentages of Poor Person
Euphemisms in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
ماعندوش	49	49%
على قد حاله	13	13%
زاوالي	21	21%
القليل	5	5%
يوم كاين وعشرة لالا	3	3%
محتاج	6	6%
ياحليل	3	3%
Total	100	100%

Table 13 shows that almost half of the informants: 49% referred to a poor person with the euphemism ماعندوش. On the other hand, 21% used راوالي, 13% used على قد حاله , 5% used , محتاج , and only a percentage of 3% was reported for both القليل , and sequence and sequence of 3%.

4.2. The Analysis of Jordanian Arabic Data 4.2.1. Jordanian Arabic Euphemisms for Death, Sickness, and Cancer

The following four tables manifest the frequencies and percentages of the euphemisms which Jordanians use to refer to the following topics: death, sickness, and cancer respectively. Consider tables 14, 15, and 16:

 ${\it Table~14} \\ {\it Frequencies~and~Percentages~of~Death~Euphemisms~in} \\ {\it Jordanian~Arabic}$

Euphemism	Frequency	Percentage
انتقل إلى رحمة الله	23	23%
الله أخذ أمانته	11	11%
أعطاك عمره	1	1%
الله أخذ وداعته	7	7%
انتقل إلى جوار ربه	5	5%
البقاء شه	31	31%
الله استخاره	2	2%
العمر إلك	20	20%
Total	100	100%

Under the banner of table 14, it is plainly shown that the euphemism البقاء لله ranked first with a percentage of no less than 31%. The other percentages according to the ranking of euphemisms in the above table were: 23%., 11%, 1%, 7%, 5%, 2%, and 20%.

Table 15
Frequencies and Percentages of Sickness Euphemisms
in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
عيان	18	18%
متو عك	5	5%
مش مبسوط	14	14%
بعافية	7	7%
عليل	5	5%
تعبان	20	20%
مرضان	31	31%
Total	100	100%

The findings in Table (15) show that the term مرضان had the highest frequency of 31. Next, the euphemized expression نعبان had a frequency of 20 .The third frequency was recorded for the euphemism with a value of 18. The euphemism عيان had the lowest frequency of 5 among the Jordanian Arabic speakers.

Table 16
Frequencies and Percentages of Cancer Euphemisms
in Jordanian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
هداك المرض	31	31%
المرض العاطل	12	12%
مرض عضال	14	14%
طالعتله غدة	4	4%
المرض اللي يكفيكم	22	22%
شرة		
اللي ما يتسمى	17	17%
Total	100	100%

Table (16) shows that the term هداك المرض had the highest frequency of 31among Jordanian Arabic speakers. The euphemism شره اللي يكفيكم شره had the second position with a frequency of 22.The third euphemism اللي ما يتسمى had the frequency of 17,

whereas the euphemisms المرض العاطل, مرض عضال had the lowest frequencies.

4.2.2. Jordanian Arabic Euphemisms for Jobs, Places, and Terms of Address

Question two set light on the euphemisms that were used to refer to some concepts such as certain places, jobs, and ways of naming and addressing in Jordanian Arabic. Tables from 17 through 26 show the results of each concept and the distribution of their frequencies and percentages according to the choice of the respondents.

Table 17
Frequencies and Percentages of Cemetery Euphemisms in Jordanian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
المدفن	34	34%
الصحراء	18	18%
التربة	21	21%
المجنة	9	9%
الجبانة	13	13%
الفستقية	5	5%
Total	100	100%

Table 17 shows that المدفن was the term that was opted for by a considerable percentage of the informants: 34% while the term الفستقية was chosen by only 5% of them. Accordingly, it is the least used term in the provided list.

Table 18
Frequencies and Percentages of Prison Euphemisms
in Jordanian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
الإصلاحية	27	27%
دار الاصلاح	14	14%
مركز التأهيل و	22	22%
الاصلاح الاجتماعي		
دار خالته	37	37%
Total	100	100%

دار Responses in Table (18) show that the term خالته had the highest frequency of 37. The euphemism الإصلاحية had the second position with a frequency of 27. The euphemism مركز التأهيل و الاصلاح had the third position with a frequency of 22, whereas the euphemism حار الاصلاح had the lowest frequency of all euphemisms and terms referring to prison.

Table 19

Frequencies and Percentages of the Place of Memorial
Ceremony Euphemisms in Jordanian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
بيت العزا	22	22%
بيت الأجر	31	31%
المدالة	18	18%
بيت المجبرين	15	15%
المأتم	12	12%
المدانة	2	2%
Total	100	100%

Table 19 indicates that the place of memorial ceremony was best represented in Jordanian Arabic by the euphemism بيت العزا with a percentage of 22%, whereas المدانة proved to be the least used euphemism in the available list.

Table
Frequencies and Percentages of Garbage man
Euphemisms in Algerian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
عامل الوطن	10	10%
عامل النظافة	54	54%
عامل الأمانة	21	21%
عامل البلدية	15	15%
Total	100	100%

عامل النظافة,20 عامل النظافة ranked first : 54%, followed by عامل الأمانة 21% , عامل البلدية . 21% عامل الوطن 15%.

Table 21
Frequencies and Percentages of Woman Naming
Euphemisms in Jordanian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
مره	24	24%
حرمة	18	18%
ولية	10	10%
عاقبة	1	1%
الجماعة	3	3%
الأهل	13	13%
أم الأولاد	14	14%
العيلة	17	17%
Total	100	100%

Table 21 shows that the terms حرمة, مره, and العيلة were used more than their counterparts.

Table 22
Frequencies and Percentages of Step Wife Euphemisms
in Jordanian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
شريكتها	20	20%
رفيقتها	11	11%
الخوية	18	18%
أختها	51	51%
Total	100	100%

It is noticed in Table (22) that the euphemism أختها had the highest frequency of use: 51. The second position was occupied by the euphemism شريكتها with a frequency of 20.The euphemism الخوية had the third frequency of 18. The euphemism وفيقتها had the lowest frequency of 18.

Table 2
Frequencies and Percentages of Barren Woman
Euphemisms in Jordanian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
ما بتجيب أو لاد	52	52%
الله ما أعطاها	33	33%
عاقر	10	10%
عقيمة	5	5%
Total	100	100%

Table 23 shows that the euphemisms used by Jordanians to refer to a barren woman could be ranked according to the frequency of their employment in the following order الله ,52: ما بتجيب أو لاد : 10, and عقيمة : 5.

Table 24
Frequencies and Percentages of Mother-in-Law
Euphemisms in Jordanian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
عمتي	40	40%
خالتي	12	12%
مرت عمي	32	32%
خالتو	16	16%
Total	100	100%

Table (24) shows that the euphemism عمتي had the highest frequency: 40. Next came the euphemism مرت عمي with a percentage of 32%. The euphemism مالت occupied the third position: 16%. Last but not least, the euphemism خالتي was represented by a frequency of 12.

Table
Frequencies and Percentages of Step-mother
Euphemisms in Jordanian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
مرت الأب	72	72%
الخالة	28	28%
Total	100	100%

From table 25, it could be stated that the users of the euphemistic expression مرت الأب outnumbered those of the term الخالة, with the values 72 and 28 respectively.

Table 26
Frequencies and Percentages of Poor Person
Euphemisms in Jordanian Arabic

Euphemism	Frequency	Percentage
على باب الله	29	29%
على قد حاله	22	22%
مستور	17	17%
رزقه قلیل	8	8%
دخله محدود	10	10%
جماعة بسطا	14	14%
Total	100	100%

4.3. Contrasting Algerian and Jordanian Spoken Arabic Data

4.3.1. Similarities between Algerian and Jordanian Euphemisms

The analysis of the data that the researchers had at their disposal revealed the following similarities between the euphemisms pertaining to Algerian and Jordanian Arabic:

- 1. Both Algerian and Jordanian native speakers regard certain topics and concepts like death, sickness, cancer, certain places, jobs, and ways of naming and address as taboos. Thus, they handle them with care by dint of making recourse to the use of euphemistic expressions.
- 2. Algerian and Jordanian Arabic speakers prefer to be polite and indirect, that's why they both try to avoid threatening the face of those they address by means of various «euphemisms»
- 3. There is a tendency on the part of both Algerians and Jordanians to use the same two euphemisms viz: البقاء لله and البقاء لله to refer to the topic of death.
- 4. In a similar vein, Algerians and Jordanians have been attested to have one common denominator: the use of عيان to refer to sickness, and هداك المرض to refer to cancer, though with differing degrees.
- 5. As far as euphemisms of some places are concerned, both Jordanian and Algerian spoken Arabic have at their disposal the following: الجبانة and to refer to the cemetery, and بيت العزا to name the place of memorial ceremony.
- 6. In a similar vein, عامل النظافة is used in both societies to refer euphemistically to the garbage man.
- 7. Woman naming euphemisms have also revealed similarities in: العيلة, مره, أم الأولاد.
- 8. Both Algerians and Jordanians use ما بتجيب and to refer to a barren woman, الله ما أعطاها أولاد and على قد حاله to address a mother-in-law ,and على قد حاله soften the impact of referring to a poor person.

4.3.2 Differences between Algerian and Jordanian Euphemisms

Despite the aforementioned similarities between Algerian and Jordanian Spoken Arabic in using euphemisms, it should be noted that some differences between them were attested.

- 1. Though some euphemistic expressions are shared between the two dialects under scrutiny, they tend to be pronounced in different ways due to the differences in their phonemic inventories.
- 2. Moreover, in some cases, one of the two varieties of Arabic tends to outnumber the other one in terms of the euphemisms it supplies to refer to certain taboos. For instance, Jordanians use more euphemisms than Algerians when «the cemetery» is brought to the fore.

3. In addition, there are instances in which Jordanians are more indirect and polite in the euphemisms they use like in the case of «step wife». On the other hand, there are situations in which Algerians are less direct, as in the case of a barren women.

Conclusion

Immersion in the present research work for a considerable amount of time has disclosed that despite the existence of similarities between Algerian and Jordanian euphemisms when referring to the taboo topics and concepts of death, sickness, cancer, certain places, jobs, and terms of address, they tend to differ in many respects. Axiomatically, such differences could be attributed to the fact that «euphemism» is not only a linguistic phenomenon, but a cultural one as well. Hopefully, this study, which can capture neither the breadth nor the depth of this linguistic and cultural phenomenon, will pave the road for subsequent studies about a highly important topic like the one in hand. Therefore, as a compensation for some of the deficiencies and limitations of the present research work, it is strongly recommended that its frontiers could be pushed back by virtue of conducting it with a larger sample. To this end, the questionnaires are to be administered to a higher number of Algerian and Jordanian respondents. In doing so, the researcher may say with confidence that the sample is representative of the whole population. It is also recommended to inquire into more areas where the use of euphemisms in both societies is required by taking into account the extent to which age and gender might affect the choice of euphemistic expressions both in the Algerian and Jordanian society.

References

- 1. Al-Azzeh, I. (2010). *The use of euphemisms by Jordanian speakers of Arabic* (Unpublished master's thesis). Middle East University, Jordan.
- 2. Allan, K., & Burridge, K. (1991). *Euphemism and dysphemism: Language used as a shield and weapon*. New York: Oxford University Press.
- 3. Al-Qarni, M., & Rabab'ah, G. (2012). Euphemism in Saudi Arabic and British English. *Journal of Pragmatics*, 44, 730–743.
- 4. Brown, P., & Levinson, S.C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 5. Ghounane, N. (2014). A sociolinguistic view of linguistic taboos and euphemistic strategies in the Algerian Society: Attitudes and beliefs in Tlemcen speech community, *International Journal of Research in Applied, Natural and Social Sciences*, 2(3), 73-88.
- 6. Gomaa, A. Y., & Shi, Y. (2012). Softboiled speech: A contrastive analysis of death euphemisms in Egyptian Arabic and Chinese, *Global Journal of Human Social Science*, 12 (8).

- 7. Klammer, E., &Willis, H. (1981). A brief handbook of English. New York :Holt, Rinehart and Winston.
- 8. McArthur, T. (1992). The oxford companion of the English language. New York: Oxford University
- 9. Mukattash, L. (2001). Some remarks on Arabic-English contrastive studies, Poznan Studies in Contemporary Linguistics, 37, 115-126.
- Dictionary. 10. Online Etymology (http://www.etymonline.com/)
- 11. Qanbar, N. (2011). A sociolinguistic study of the linguistic taboos in the Yemeni society, MJAL, 3 (2), 86-104.
- 12. Qi, G. (2010). Cultural differences in Chinese and English euphemisms, Cross-Cultural Communication, 6 (4), 135-141.
- 13. Rawson, H. (1981). A dictionary of euphemisms and other doubletalk. New York: Crown

APPENDICES

Appendix I: Questionnaire of Euphemisms in Algerian Arabic

الأخ الفاضل ...، الأخت الفاضلة، السلام عليكم ورحمة الله وبركاته ،،،،

يسرني أن أضع بين أيديكم هذا الاستبيان الذي صمم لجمع المعلومات اللازمة لدراسة حول ظاهرة تلطيف العبارات و الكلمات نأمل منكم التكرم بالإجابة على الأسئلة بدقة ، حيث أن باللغة العربية صحة النتائج تعتمد بدرجة كبيرة على صحة إجابتكم ، لذلك نهيب بكم أن تولوا هذا الاستبيان اهتمامكم ، فمشاركتكم ضرورية ورأيكم عامل ونحيطكم علما أن جميع إجاباتكم لن أساسي من عوامل نجاحها تستخدم إلا لأغراض البحث العلمي فقط.

> شاكرين لكم حسن تعاونكم وتفضلوا بقبول فأئق التقدير والاحترام

اعداد:

القسم الأول: البيانات الشخص

ذكر الجنس: من 30 إلى اقل من 40 اقل من 30 من 50 سنة فأكثر من 40 إلى اقل من 50

الحالة الاجتماعية:

أعزب المؤهل العلم

يرجى تحديد العبارة/ العبارات اللطيفة التي تلجا إليها عند التحدث أو الإشارة الى الأمور غير المرغوب فيها و المبينة أدناه، وذلك بوضع إشارة x في الخانة المناسبة. أولا: الموت

مات	
حاجة الله الداه الله	
عطاك عمر	
الدايم ربي	
البقاء لله	
رحمة الله عليه	
حكم عليه ربي	

ثات يا: المرض

ماقادرش	
مریض	
عيان	
تعبان شوي	
معلول	
غلبان	
كما حب ربي	
في حالة	
فلفر اش	

ثالثا: السرطان

• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •
القونصير
المرض ليمامليحش
المرض الخامج
هداك المرض
المرض ليمايتسماش
هداك المرض عافانا الله

القسم الثالث: المفاهيم غير المرغوب فيها

	~.
	المقبرة
	المدفن
	الجبانة

السجن
الحبس
السيلون
مركز الاصلاح الاجتماعي
ب- بوهدمة

 جـ مكان العزاء
بيت لعزا
دار لعزا
نروح عند موالين الميت

ثانيا: بعض الوظائف ا۔ الزیال البوباليسث عامل النظافة لبكاينظف

ثالثا: العبارات التي تستخدم لتسمية وتعريف بعض أفراد

المجتمع ا_المرأة لمره المادام المخلوقة العابلة أم لو لاد السيدة

 ب-الضرة
طارتها
مرت راجلها
لمر التانية

ج- المرأة العاقر	أنثى
ما تضنيش	اللى
ما رزقهاش ربي	
مانابش عليها ربي	
ماعطاهاش ربي	
ماتجيبش دراري	

 ت- الحماه
عجوزتي
خالتي
عمتي
حماتي
لالة

	هـ زوجة الأب
	مرت بابا
	خالتي
	عمتي

و - الفقير	
ماعندوش	
على قد حاله	
ز او الي	
القليل	
يوم كاين وعشرة لالا	
محتاج	
ياحليل	

Appendix II: Questionnaire of Euphemisms in Jordanian Arabic

الأخ الفاضل ... ، الأخت الفاضلة... ، السلام عليكم ورحمة الله وبركاته ،،،،

يسرني أن أضع بين أيديكم هذا الاستبيان الذي صمم لجمع المعلومات اللازمة لدراسة حول ظاهرة تلطيف العبارات و الكلمات باللغة العربية. نأمل منكم التكرم بالإجابة على الأسئلة بدقة ، حيث أن صحة النتائج تعتمد بدرجة كبيرة على صحة إجابتكم ، لذلك نهيب بكم أن تولوا هذا الاستبيان اهتمامكم ، فمشاركتكم ضرورية ورأيكم عامل أساسي من عوامل نجاحها. ونحيطكم علما أن جميع إجاباتكم لنُ تستخدم إلا لأغراض البحث العلمي فقط.

شاكرين لكم حسن تعاونكم وتفضلوا بقبول فأئق التقدير والاحترام

من إعداد:

الأستاذ الدكتور محمود القضياة

> القسم الأول: البيانات الشخصية ذكر أنثى الجنس: العمر:

اقل من 30 إلى اقل من 40 من 50 سنة فأكثر من 40 إلى اقل من 50

الحالة الاجتماعية: متزوج المؤهل العلم ثانوي

القسم الثاني: يرجى تحديد العبارة/ العبارات اللطيفة التي تلجا إليها عند التحدث أو الإشارة الى الأمور غير المرغوب فيها و المبينة أدناه، وذلك بوضع أشارة x في الخانة المناسبة. أولا: الموت

انتقل الى رحمة الله	
الله أخذ أمانته	
أعطاك عمره	
الله أخذ و داعته	
انتقل الى جوار ربه	
البقاء شم	
الله استخاره	
العمر الك	

بيت العزا	
بيت الأجر	
المدالة	
بيت المجبرين	
ح- الماتم	
المدانة	
اللازمة	

ثانه يا: المرض

عیان متو عك	
متوعك	
مش مبسوط	
بعافية	
عليل	
تعبان	
مرضان	

ثانيا: بعض الوظائف ا- الزبال

عامل الوطن
عامل النظافة
عامل الأمانة
عامل البلدية

ثالثا: السرطان

<u> </u>
هداك المرض
المرض العاطل
مرض عضال
طالعتله غدة
المرض اللي يكفيكم شره
اللي ما يتسمى

ثالثا: العبارات التي تستخدم لتسمية وتعريف بعض افراد

المجتمع

ا_المرأة

مره	
مره حرمة	
ولية	
عاقبة	
الجماعة	
الأهل	
أم الأو لاد	
العيلة	

القسم الثالث: المفاهيم غير المرغوب فيها أولا: الأماكن

ت- المقبرة

المدفن
الصحرا
التربة
المجنة
الجبانة
الفستقية

ب-الضرة

شريكتها
رفيقتها
الخوية
أختها

ج_ السجن

الإصلاحية
دار الاصلاح
مركز التأهيل و الاصلاح الاجتماعي
ج- دار خالته

ج_ المرأة العاقر

 <u> </u>
ما بتجيب أولاد
الله ما أعطاها
عاقر
عقيمة

د_ مكان العزاء

خـ الحماة
عمتي
خالتي
مرت عمي
خالتو

	هـ زوجة الأب
	مرت الأب
	الخالة

و ـ الفقير
على باب الله
على قد حاله
مستور
رزقه قليل
دخله محدود
جماعة بسطا

Samia Azieb University of Jordan Prof. Mahmoud Qudah Princess Sumaya University for Technology